

На правах рукописи

Дианов Сергей Александрович

**РАЗВИТИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГЛАВЛИТА НА УРАЛЕ
В 1922–1938 гг.: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, КАДРЫ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск – 2011

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Лейбович Олег Леонидович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Зеленов Михаил Владимирович

доктор исторических наук, профессор
Измозик Владлен Семенович

доктор исторических наук, профессор
Мохов Виктор Павлович

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Тамбовский
государственный технический
университет»

Защита состоится 27 марта 2012 г. в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета и на сайте ВАК <http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/>

Автореферат разослан « ___ » февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд. ист. наук, доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. При исследовании советского общества особо важным представляется изучение его надстройки – разного рода учреждений на центральном, республиканском и местном уровнях. Государственные структуры играли преобладающую роль во всех сферах жизни советского общества. Профессиональное историческое сообщество только недавно приступило к разработке данной проблематики. Появились оригинальные исследования, посвященные изучению деятельности центральных и региональных партийных органов, ведомственной истории наркоматов. Тем не менее, воспроизвести, как функционировала система государственного управления в СССР в разные периоды, как взаимодействовали друг с другом различные учреждения и ведомства, как менялись границы их компетенций, на базе введенного в научный оборот на сегодняшний день источниковедческого материала не представляется возможным. В этой связи изучение органов Главлита важно для исторической науки по следующим основаниям. Во-первых, органы Главлита являлись одним из элементов системы политического контроля над обществом. Во-вторых, они взаимодействовали со многими советскими учреждениями. В-третьих, в деятельности органов Главлита отражались общие закономерности развития советской политической системы. Параллельно появлялись некие особенности, связанные с методами формирования их структуры, кадровым наполнением, функциями. Изучение процессов институализации органов политической цензуры в 1920–1930-е гг. позволяет понять, как происходило конструирование властной системы в СССР. Для реконструкции этого процесса в целостности и многообразии необходимо выделить два исследовательских уровня: общесоюзный и региональный, в нашем случае Урал.

Урал в XX веке представлял собой один из мощных промышленных центров России с развитой инфраструктурой и энергетической базой, став довольно быстро высокоурбанизированным регионом. С формированием промышленной среды Урал обретал специфичные социокультурные черты. Органы политической цензуры не оставались в стороне от протекания культурных процессов. В то же время их место в культурной жизни провинции определить не просто. Поэтому актуальной проблемой является соотношение формальных показателей, выдаваемых за действительность самими уральскими органами Главлита, и реального состояния дел в духовной сфере региона.

Объектом данного исследования являются органы цензуры, соответственно в качестве **предмета исследования** выступают местные органы Главлита на Урале в 1922–1938 гг.

Территориальные рамки исследования охватывают административные границы бывшей Уральской области, состоящей в начале 1920-х гг. из Пермской, Екатеринбургской, Челябинской, Уфимской и Тюменской губерний.

В конце 1923 г. на территории Уральской области было создано 15 округов¹. 17 января 1934 г. Уральская область была разделена на Челябинскую, Свердловскую и Обско-Иртышскую области. 7 декабря 1934 г. Обско-Иртышская область была упразднена, и Тюмень вошла в состав Омской области². 3 октября 1938 г. из Свердловской области была выделена как самостоятельный административный субъект Пермская область, переименованная в 1940 г. в Молотовскую область³. Уфимская губерния в июне 1922 г. была включена в состав Башкирской республики (БАССР).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1922 г. по 1938 г. 6 июня 1922 г. был создан Главлит как орган гражданской цензуры. Во второй половине 1922 г. полномочия по предварительной цензуре были переданы от органов государственной безопасности Главлиту. Первые органы Главлита на Урале появились в ноябре 1922 г. Верхняя хронологическая граница приходится на 1938 г. Эту дату принято считать переломным моментом в истории развития Главлита. Цензорские должности были включены в номенклатурную систему, произошел перевод органов Главлита на государственное финансирование, утверждено новое штатное расписание. Кадровый состав Главлита обновился более чем на 70 %. Процесс перестройки органов Главлита на периферии занял два-три года. Учитывая это обстоятельство, настоящее исследование было доведено до начала 1941 г.

Степень изученности проблемы. Изучение деятельности Главлита в системе советских учреждений стало возможно после «архивной революции» 1990-х гг. Только тогда исследователям стали доступны документы, позволяющие раскрыть его внутреннюю историю, сферу компетенций, функции, кадровый состав и эволюцию.

Все то, что публиковалось ранее на Западе на темы, связанные с Главлитом, относятся к «нулевому» дескриптивному этапу историографии.

Нами выявлены две публикации 1920-х гг., появившиеся на страницах «одного из самых интеллектуально насыщенных периодических изданий, посвященных современности»⁴ – «Osteuropa»: обзорные статьи Г. Кандлера и А. Юста. В первой из них реферировалось «Положение о Главлите» от 6 июня 1922 г.; во второй – практика его применения⁵. Далее в течение 30 лет публикации о советской цензуре появлялись в периодике первой эмиграции.

¹ СССР по районам. Уральская область / сост. О.А. Константинов. М.-Л.: ГИЗ, 1926. С. 11.

² *Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.)* / под ред. В.П. Петровой. Тюмень, 2003. С. 10.

³ *Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии*. Пермь, 1994. Вып. 1. С. 57.

⁴ См.: Burleigh M. *Germany Turns eastwards. A Study of Ostforschung in the Third Reich*. Cambridge: CUP, 1989. P.34.

⁵ *Kandler G. Pressezensur in Sowjet-Russland // Osteuropa. Königsberg, 1925/1926. S. 256-258; Just Artur W. Die Presse der Sowjetunion // Osteuropa. 1925/1926. S. 559-563.*

Результатом знакомства американских историков с материалами так называемого «Смоленского архива» явилась статья М. Фэйнсоды «Цензура в СССР»⁶. Обнаруженные им материалы были интерпретированы в соответствии с концепцией *тоталитаризма*. В частности, органы Главлита были описаны как один из элементов созданной большевиками системы всеобъемлющего (тотального) контроля. Главлиту приписывались свойства влиятельного цензурного ведомства, близкого по своим компетенциям к аппарату Центрального Комитета ВКП (б) – КПСС. Идеи Фэйнсоды были развиты в работах, посвященных происхождению и эволюции советской цензуры⁷. В сборнике материалов конференции, вышедшем в 1989 г., его издатели задавались вопросом, может ли советская система в условиях гласности отказаться от услуг «безликих цензоров, наделенных неограниченными правами»⁸.

Параллельные исследовательские поиски в изучении феномена советской цензуры происходили и в рамках так называемого *ревизионистского* направления. Отличительной особенностью нового подхода стало рассмотрение Главлита как политического института в системе государственного управления СССР. Понятия цензура и Главлит разводились, изучению подвергались его структура и функции. Одним из первых исследователей, работавших в этом направлении, стал британский ученый М. Дьюхерст⁹. Его усилиями вовлекались в научный оборот новые группы источников, в частности, была разработана большая нормативная база документов Главлита, снабженная к тому же профессионально составленными комментариями.

Таким образом, во второй половине 1950-х – 1980-е гг. появились два направления в изучении Главлита: *тоталитарное* и *ревизионистское*. В 1990–2000-е гг. продолжающиеся издаваться на Западе научные труды по истории органов Главлита выполнялись в рамках названных подходов¹⁰. Так, М. Дьюхерст описал процесс ликвидации Главлита, а также привел суждения о

⁶ Fainsod Merle. *Censorship in the USSR - A Documented Record* // *Problems of Communism*. V. March-April. 1956. P.12-19.

⁷ Simmons E.J. *The Origins of Literature Control* // *Survey*. London. 1961. № 36/37; Swayze H. *Political Control of Literature in the USSR, 1946–1959*. Cambridge: Mass., 1962.

⁸ *The Red pencil. Artists, Scholars, and Censors in the USSR* / ed. by M.T. Choldin and M. Friedberg. Boston: London-Sydney-Wellington, 1989. P. 243.

⁹ Dewhirst M., Farrell R. *The Soviet Censorship*. Metuchen, New Jersey, 1973.

¹⁰ Dewhirst M. *Censorship* // *The Cambridge Encyclopedia of Russia & the former Soviet Union*. Cambridge University Press. 1994. P.485-487; Fox Michael. *Glavlit, Censorship and the Problem of Party Politics in Cultural Affairs, 1922-1928* // *Soviet Studies. A Journal on the USSR and Eastern Europe* (Glasgow). XLIV. № 6. 1992; Dewhirst M. *Soviet Socialist Realism and the Soviet Censorship System* // *Critical Studies*. 1996. P. 23-29; M. Zelenov with M. Dewhirst. *A Selected Bibliography of Recent Works on Russian and Soviet Censorship* // *Solanus. International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library and Publishing Studies*. 1997. Vol.11. P. 94-98.

состоянии свободы слова и творчества в постсоветской России¹¹. Постулаты «тоталитаристов» сегодня активно отстаивает М.Т. Чолдин. В ноябре 2011 г. в рамках литературного фестиваля «Белое пятно» в г. Новосибирске М.Т. Чолдин выступила с публичной лекцией на тему «Тотальная советская цензура: взгляд из Иллинойса». Тотальность цензуры, по мнению лектора, заключалась в том, что «цензура была во всех сферах советского общества»¹².

Следует заметить, что в советской историографии полемика с западными исследователями по теме Главлита и цензуры отсутствовала даже в форме критики «буржуазных фальсификаций».

С конца 1930-х гг. в советских СМИ органы Главлита не упоминались. В 1940 – первой пол. 1980-х гг. информация о Главлите и местных обллитах была закрыта от всеобщего внимания. С уходящих со службы работников центральных и местных органов Главлита брались расписки о неразглашении государственной тайны.

Первые публикации о цензуре в советской печати появились в перестроечное время. К ним можно отнести работы Ю.М. Батурина, М.А. Федотова и В.С. Красногорова¹³. Их идейное содержание наиболее четко было выражено М.А. Федотовым: «Сфера гласности кончается там и тогда, где и когда она используется в ущерб интересам народа, социализма, – заявлял М.А. Федотов. – Но должна ли эта граница охраняться именно цензурой? Думается, что пресловутый «синий карандаш» более уместен в руках редактора, чем чиновника»¹⁴.

В трудах С.А. Галина, В.С. Жидкова и Т.М. Горяевой уже наблюдается стремление к независимой оценке цензурных практик¹⁵. Однако эти оценки касались не цензурных органов, а степени влияния системы ограничений и запретов на процессы культурного строительства в советском обществе.

После ликвидации Главлита в октябре 1991 г. начинается изучение советской цензуры на профессиональном уровне. За последние 20 лет фонд российской исторической науки пополнился десятками монографий, сотнями статей и иного рода публикаций о цензуре и цензорах, Главлите и Обллитах.

¹¹ Dewhirst M. *Censorship in Russia, 1991 and 2001* // *The Journal of Communist studies and Transition politics*. 2002. Vol. 18. № 1. P. 22-31.

¹² См.: Чолдин М. Тотальная советская цензура: взгляд из Иллинойса [Электронный ресурс]. URL: <http://academ.info/news/18883> (дата обращения: 21.11.2011).

¹³ Батурин Ю.М. Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г. // *Советское государство и право*. 1989. № 3. С. 134-142; Федотов М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // *Советское государство и право*. 1989. № 7. С. 80-89; Красногоров В. Гласность и безгласность. Заметки по истории отечественной цензуры // *Нева*. 1990. № 3. С. 146-165.

¹⁴ Федотов М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // *Советское государство и право*. 1989. № 7. С. 87.

¹⁵ Галин С.А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти (1917-1925). М., 1990; Горяева Т.М. Журналистика и цензура (По материалам советского радиовещания 1920-30-х годов. Источниковедческий аспект) // *История СССР*. 1990. № 4. С. 112-123; Жидков В.С. Театр и время: От Октября до перестройки. М., 1991.

Представляется затруднительным выделить сформировавшиеся научные школы со сложившимся исследовательским аппаратом, особыми правилами изучения. Одним из последствий упомянутой «архивной революции» можно считать известное равнодушие историков к концептуальным обобщениям, что влечет за собой эмпиризм в исследованиях, нестрогость методов. В такой ситуации позволительно выделить применяемые историками методологические подходы при изучении института советской цензуры, помня о том, что один и тот же историк в разных монографиях может попеременно выступать и как сторонник тоталитарной интерпретации советского прошлого, и как типичный «ревизионист» в стиле А. Гетти.

Начиная с первой половины 1990-х гг. среди российских исследователей шел процесс осмысления истории советской цензуры через призму *тоталитаризма*. В описании несущих конструкций Главлита как института тоталитарной политической системы в своих работах ее применили А.Ю. Горчева, А.В. Блюм, Г.В. Жирков, Т.М. Горяева и др.¹⁶ В своей статье автор охарактеризовала органы политической цензуры такими эпитетами, как «тотальная цензура», «тотальный гнет», «вседозволенность контроля», «безграмотные исполнители», «многотысячная армия цензоров», представляя Главлит настоящей машиной уничтожения свободы мысли и слова.

В 1994 г. в своей монографии А.В. Блюм предпринял попытку реконструировать процесс создания Главлита, его местных органов, а также дать анализ практикам деятельности цензоров в период НЭПа. Он пришел к выводу, что большевики создали институт «тотальной цензуры» – «одной из самых жесточайших, которые когда-либо знал мир»¹⁷.

Параллельные исследовательские поиски в рамках концепции тоталитаризма проводили уральские ученые. В ноябре 1995 г. в г. Екатеринбурге состоялась Международная научная конференция «Цензура в России». В изданном сборнике были опубликованы статьи краеведов. Так, А.И. Баканова исследовала проблему репрессий в отношении коллектива издателей Уральской советской энциклопедии¹⁸. В статье Н.В. Кузнецовой повествовалось о творчестве уральского писателя П.П. Бажова и его книгах,

¹⁶ Горчева А.Ю. Главлит: становление советской тотальной цензуры // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1992. № 2. С. 32-40; Блюм А.В. Частные и кооперативные издательства 20-х годов под контролем Главлита (по архивным документам) // Книга: Исследования и материалы. 1993. Т. 66. С. 175-191; *Он же*. Как поссорились ГУС с Главсоцвосом (цензурные преследования детской литературы в 20-е годы) // Вопросы литературы. 1993. Вып. 2. С. 315-320; *Он же*. «Звезда» в годы Большого террора: хроника цензурных репрессий // Звезда. 1993. № 11. С. 170-182; Жирков Г.В. История советской цензуры: Период комиссародержавия (1917–1919) // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 1994. № 2. С. 82–92; Горяева Т.М. Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры. Минск, 1995, и т.д.

¹⁷ Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917-1929. СПб., 1994. С. 82.

¹⁸ Баканова А.И. Из истории цензуры на Урале (обзор источников) // Цензура в России: матер. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 53.

оказавшихся под запретом¹⁹. В публикации Г.И. Степановой подчеркивалось, что уральские отделения Главлита были задействованы партийными органами в осуществлении тотального политического контроля за настроениями населения региона²⁰. В это же время предпринимается попытка изучения цензуры в социологических терминах²¹. В 1995 г. И.Е. Левченко была защищена кандидатская диссертация на тему «Цензура как общественное явление»²². Автор одним из первых применил междисциплинарный подход в изучении структуры органов уральской цензуры.

В середине 1990-х гг. происходит переход от осмысления общих проблем истории советской цензуры к специальным темам. Научный интерес у большинства ведущих исследователей-цензуроведов вызывали объекты цензурного контроля: СМИ, издательское дело, радиовещание, зрелища. Так, В.С. Измозик исследовал тему «цензура и перлюстрация»²³. М.В. Зеленов сосредоточил внимание на теме «Главлит и историческая наука»²⁴. Т.М. Горяева прилагала большие усилия при разработке темы «цензура и радиовещание»²⁵. В начале 2000-х гг. Г.В. Жирков в формате учебного пособия подвел предварительные итоги под изучением темы «цензура и журналистика»²⁶. Впоследствии эта проблема получила дальнейшее развитие в трудах Е.Г. Елиной²⁷. В 2003 г. в качестве отдельного исследования была постулирована тема «цензура и зрелища»²⁸.

В 2000 г. история советской цензуры пополнилась несколькими фундаментальными трудами. В новой монографии А.В. Блюм расширил хронологические рамки исследования до 1953 г.²⁹ Не отступая от ранее выдвинутых тезисов о *тотальной* цензуре, автор сосредоточил внимание на таких вопросах, как эволюция структуры Главлита, технологии цензурного

¹⁹ Кузнецова Н.В. Репрессированный П. Бажов и его репрессированные книги // Цензура в России: матер. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 66-70.

²⁰ Степанова Г.И. Деятельность органов цензуры в документах Центра документации общественных организаций Свердловской области (1918-1991 гг.) // Цензура в России: матер. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 30-34.

²¹ Левченко И.Е. Уралобллит как «блюстителю» общественных нравов // Социальные проблемы Уральского региона: матер. IX Уральских социол. чтений. Екатеринбург, 1994.

²² Левченко И.Е. Цензура как общественное явление: автореф. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1995.

²³ Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26-35.

²⁴ Зеленов М.В. Главлит и историческая наука 20-30-х годов // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 21-36.

²⁵ Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920 – 1930-х годах. Документальная история. М., 2000.

²⁶ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учеб. пособие. М., 2001.

²⁷ Елина Е.Г. Журналистика и цензура в советской России 1920-х годов // Цензура как социокультурный феномен. Саратов, 2007. С. 176-190.

²⁸ Бондарева Г.А. Советская цензура зрелищ в период Новой экономической политики (1921-1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

²⁹ Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953. СПб., 2000.

контроля, охрана государственных и военных тайн. Отдельная глава была посвящена кадровому составу Главлита и местных цензурных органов. А.В. Блюм одним из первых исследователей смог назвать точное количество работников всего цензурного аппарата (на 1939 г.). Прежние взгляды и оценки были им подвергнуты ревизии, Главлит стал рассматриваться с позиций, близких к *институциональному* подходу.

В 2000 г. Т.М. Горяева завершила работу над докторской диссертацией³⁰. Институциональный подход дал возможность автору разработать оригинальную периодизацию становления и функционирования государственного цензурного аппарата. Т.М. Горяева предложила выделить шесть периодов: 1) 1917-1922 гг. – период ведомственной цензуры; 2) 1922-1930 гг. – период организации и становления государственной цензурной системы (Главлита, Главреперткома, Главискусства); 3) 1930-1953 гг. – период, который вместил деятельность Главлита в структуре Наркомпроса и кратковременное подчинение Главлита МВД СССР; 4) 1953-1966 гг. – период временной либерализации, понижения статуса Главлита в политической системе государства; 5) 1966-1987 гг. – период бюрократического «благополучия и покоя», во время которого не менялись роль и место Главлита в системе органов управления; 6) 1987-1991 гг. – период агонии цензурной системы, попытка реформировать Главлит и его окончательная ликвидация. Т.М. Горяева предположила, что важнейшим условием и определяющим звеном в политической системе СССР стала цензура, проводившаяся как через Главлит, так и напрямую, по партийной вертикали.

Главным достижением исследований начала 2000-х гг. стала разработка понятийного аппарата по цензурной проблематике. Так, М.В. Зеленов в докторской диссертации ввел в научный оборот такие понятия, как «цензура» в *функциональном* и *субстанциональном* смысле, «цензурная система», «цензурная политика» и «политика в сфере цензуры»³¹. Он предложил понимать *цензуру* как *функцию политической системы*, если осознанное ограничение информации является целью и методом сохранения и упрочения существующей системы общественных отношений. Понятие *цензурной системы* включает в себя часть политической сферы, это интегрированная совокупность партийных и государственных социальных институтов, реализующих идею ограничения текста. *Цензурной политикой* можно назвать организационные и регулятивно-контрольные мероприятия цензурной системы или отдельных ее частей, направленные на ограничение информации. Понятие «*политика в сфере цензуры*» включает весь комплекс организационных и регулятивно-контрольных мероприятий в рамках цензурной системы. В изданной монографии М.В. Зеленов дал полное описание цензурной

³⁰ Горяева Т.М. История советской политической цензуры. 1917-1991 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 669 с.

³¹ Зеленов М.В. Политика аппарата ЦК РКП (б) – ВКП (б) в области цензуры исторической науки в 1919-1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2000. 774 с.

политики аппарата ЦК ВКП (б) в 1922-1929 гг., реконструировал кадровые и организационные, контрольные решения³². Кроме того, автор предпринял попытку определить место Главлита в составе Наркомпроса. Тема взаимоотношений Главлита и Наркомпроса на общесоюзном и региональном уровнях получила развитие в дальнейших трудах М.В. Зеленова³³.

Все исторические исследования, опубликованные за последние годы по истории Главлита и его местных органов, условно можно разделить на три группы. *Первая* группа представлена работами исследователей в регионах, которые занимаются изучением вопросов становления института политической цензуры на территории РСФСР. В ней следует выделить диссертационные работы А.В. Сурова, Н.Н. Клепикова, А.М. Подлужной, Ф.К. Ярмолича и др.³⁴ Используемая источниковедческая база в данных работах является типовой, как и уровень научных обобщений. Согласно выводам исследователей органы Главлита конструировались в советской провинции довольно длительное время, испытывали перебои с материальным обеспечением и финансированием в целом. Партийные и государственные органы активно вмешивались в деятельность местных органов Главлита, что являлось серьезным препятствием в реализации направлений цензурной политики. Заметим отсутствие работ по данной тематике в национальных республиках (Татарстан, Башкирия, Мордовия и др.). Выразим суждение, что изучение процессов становления местных органов Главлита в автономных республиках СССР – весьма перспективная работа.

Вторая группа представлена работами, авторы которых занимаются изучением форм взаимодействия Главлита и других органов советской цензуры – Главреперткома, Главискусства, Отдела Политконтроля ОГПУ-НКВД. Определённый интерес вызывают исследования Г.А. Бондаревой, А.С. Смыкалина. Так, Г.А. Бондаревой удалось последовательно отразить перипетии в вопросе о разграничении компетенций между Главлитом,

³² Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы: монография. Н. Новгород, 2000.

³³ Зеленов М.В. Цензура и органы цензуры в постановлениях Наркомпроса РСФСР в 1922 - 1924 гг. // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 257-286; *Он же*. The Library Purges of 1932-1937 in Soviet Russia // Solanus. International Journal for Russian & East European Bibliographic, Library & Publishing Studies. New Series. London, 2000. Vol.14. P. 42-57; *Он же*. Цензура и органы цензуры в постановлениях Наркомпроса РСФСР в 1927 г. // Цензура в России: История и современность. сб. науч. тр. СПб., 2008. Вып. 4. С. 254-290.

³⁴ Суров А.В. Цензурная политика Советского государства в 1917 - нач. 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002; Клепиков Н.Н. Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005; Подлужная А.М. Политическая цензура в Пензенском регионе в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; Ярмолич Ф.К. Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

Главреперткомом и Главполитпросветом в 1920-е гг.³⁵ А.С. Смыкалин описал основные формы совместной деятельности цензоров и чекистов, выдвинув тезис о том, что в 1930-е гг. взаимодействие НКВД с Главлитом становилось все более активным³⁶.

Третью группу представляют исследования, посвященные изучению социального статуса работников органов Главлита. Разработкой этой темы сегодня активно занимается свердловский исследователь Е.Н. Ефремова³⁷. По ее мнению в 1930-е гг. уральский цензор осознавал значимость своей профессии, которая выражалась и в формулировке высокой миссии советской цензуры, и в системе поощрительных мер за хорошую работу. Цензор всегда ощущал зыбкость своего положения: любое отступление от инструкции, самовольное расширение или сужение своих функций вели к утрате статуса, а порой и к лишению свободы. Развитие данной проблемы получило и в трудах диссертанта³⁸.

Очертим основные методологические подходы к изучению цензурных практик советской эпохи. Мы видим работы, выполненные в традиции тоталитарной школы, уделяющей особое внимание формам и методам политического контроля над публичным словом, жестом, актом; связи идеологической политики и задач цензуры, шлифованию особого «советского языка». Параллельно тоталитарному развивается иное научное направление, генетически восходящее к западному «ревизионистскому». Историки, работающие в нем, исследуют, прежде всего, учреждения, ответственные за цензуру: кадры, внешние и внутренние социальные связи, статус цензурных органов в общей системе власти.

В заключение историографического обзора следует обозначить круг вопросов и проблем, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

Речь идет, прежде всего, о формировании *историко-антропологического* подхода: изучение органов цензуры через призму биографий непосредственно самих служащих цензурного ведомства. В советских организациях формальные связи дополнялись неформальными; официальные практики взаимодействовали с практиками фоновыми; функциональные структуры «обрастали» структурами

³⁵ Бондарева Г.А. Советская цензура зрелищ в период Новой экономической политики (1921-1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

³⁶ Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая цензура в России и СССР. СПб., 2008.

³⁷ Ефремова Е.Н. Статус советского цензора в отчетах Свердловобллиты // Жизнь провинции как феномен духовности: сб. ст. по матер. Всерос. науч. конф. Н. Новгород, 2010. С. 345–353.

³⁸ Дианов С.А. Повседневная жизнь партийной организации обллиты в 1930-е г. // Вестник Томского государственного университета. Томск. Сер. «История». 2011. № 3 (15). С. 97-104; Партийная организация Свердловского обллиты в 1933–1941 годах: состав и практики профессиональной активности // Научное мнение: научный журнал. Санкт-Петербургский университетский консорциум. СПб., 2011. № 7. С. 65-71, и др.

клановыми. Результаты деятельности организаций – в нашем случае – цензурных – были всегда сложным взаимодействием различных факторов, как учтенных в инструкциях и «положениях», так и спонтанно сложившихся в определенном времени и месте. Для понимания того, как функционировали органы цензуры на Урале, необходимо учесть их антропологическую компоненту.

Простой биографический очерк того или иного цензора не дает представления о масштабах и направленности его личностного влияния на процессы становления и функционирования Главлита. Историком необходимо «провести» своего персонажа по всем этапам его служебной деятельности. Важной является задача изучения контактов цензора с коллегами по работе, с подчиненными и начальством, с работниками подконтрольных цензуре организаций. Требуется выяснить постцензурную судьбу изучаемой личности, ее след в истории деятельности других органов государственного управления. Эти исследовательские проблемы в отечественной историографии поставлены, но не решены, что открывает возможности углубить наше представление о процессе развития органов контроля как типического советского учреждения в межвоенную эпоху.

Принимая во внимание степень изученности темы и общий вектор исторических изысканий в рассматриваемой предметной области, сформулируем цель и задачи исследования.

Цель работы – исследовать процессы становления, развития и функционирования местных органов Главлита на Урале в 1922–1938 гг. в рамках институциональной парадигмы.

Задачи исследования:

– определить место органов Главлита в системе управления на местном уровне посредством изучения практики их взаимодействия с партийными комитетами РКП–ВКП (б) и органами госбезопасности;

– выявить основные этапы в процессе развития структуры местных органов Главлита на Урале и описать их содержание;

– рассмотреть личностный аспект в становлении и функционировании органов политической цензуры посредством создания биографических очерков о руководителях уральских органов Главлита;

– реконструировать процесс формирования кадрового состава местных органов Главлита на Урале, а также систему повышения квалификации цензоров;

– изучить проявления политической цензуры в различных областях культурной жизни (издательское дело, зрелища, радиовещание) на Урале в 1922–1930-е гг.;

– рассмотреть практики профессиональной и повседневной активности работников местных органов Главлита на основании результатов анализа протоколов партийных собраний Свердловского обллита за 1933–1941 гг.

Методология исследования. В качестве методологии исследования нами выбрана концепция институционализма в том виде, в котором она представлена в работах Т. Парсонса, Б. Малиновского, В.В. Радаева³⁹. Содержание ее состоит в следующем:

Во-первых, общество рассматривается через призму социальных организаций, созданных для упорядочивания общественного поведения людей.

Во-вторых, в организациях решающая роль принадлежит нормам, посредством которых ее участники регулируют социальное поведение.

В-третьих, при их изучении ведущее значение придается исполняемым ими функциям в обществе, в том числе в контексте взаимосвязей с иными социальными институтами.

В-четвертых, социальные институты эволюционируют в соответствии с объемом и спецификой решаемых ими задач.

Институциональная теория была сформулирована в границах социологической теории. Ее применение для исторических исследований возможно в том случае, если предметом изучения является деятельность определенной организации – в составе государственной власти, или шире – внутри политической системы; если в распоряжении историка находятся источники, позволяющие понять действующие в ней нормы и функции. По нашему мнению, исследование органов Главлита на Урале такой шанс предоставляет.

Эвристические возможности институциональной теории для исторического исследования заключаются в том, что она позволяет анализировать историческое прошлое не как нечто бесформенное, разнонаправленное, но также увидеть в обществе элементы социального порядка, регулирующего социальный хаос, тем самым обнаружить в нем прочный социальный каркас. В нашем случае – элемент этого каркаса, т.е. органы политического контроля – Главлит.

Институциональный подход предполагает исследование социальных ролей, которые исполняют индивиды, действующие в соответствии с функциональными предписаниями и нормами. Следует учитывать, однако, что характер исполнения этих норм (стили) определяется социальными возможностями работников: их компетентностями, жизненными ориентациями, наконец, культурными традициями. Без учета этих факторов исследование исторических институтов сведется к описанию функций, нормативов и директивных указаний. Историю, как известно, творят люди, а не социальные роли. Для того чтобы вернуть человека исторического в институциональную парадигму, ее возможно дополнить историко-антропологическим подходом,

³⁹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000; *Он же*. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998; Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.; Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3. С. 5-26, и др.

учитывающим личностные параметры участников исторического действия, насколько они «слиты» с их функциями, или, напротив, удалены от них; обнаружить дистанцию между возложенными на них функциями и их жизненным горизонтом.

В исследовании использовались традиционно применяющиеся в исторической науке принципы и методы. Применение принципа историзма позволило выяснить предпосылки и тенденции формирования Главлита, рассмотреть этапы развития местных органов Главлита на Урале, соотнести их деятельность с другими государственными структурами. Под научной объективностью понимается видение предмета исследования, каким он существовал в реальности, вне зависимости от субъективных наслоений, содержащихся в источниках, в оценочных суждениях историков и общественных деятелей.

В исследовании применялись общие исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и метод периодизации. Проблемы решались с помощью специальных исторических методов: документально-иллюстративного, историко-юридического анализа, методом текстологии и историко-политического анализа. В диссертации не делается акцент на каком-либо одном из перечисленных методов исследования, все они используются в той мере и там, где это необходимо для изучения истории становления органов политической цензуры.

Источниковая база исследования представлена совокупностью опубликованных и неопубликованных документов.

Основу источниковой базы исследования составляют *неопубликованные* документы 25 фондов, выявленные в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории, в государственных и муниципальных архивах Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областей, Пермского края. Весь комплекс используемых архивных документов условно можно разделить на несколько групп: внутриведомственная периодика, распорядительная и отчетная, в том числе статистическая документация, текущая переписка, личные дела и анкеты.

В группу *внутриведомственной* периодики отнесем тезисы и статьи руководителей Главлита, работников его центрального аппарата и местных органов, публикуемые в «Бюллетенях Главлита РСФСР» (РГАСПИ, Ф. 82). Эта своего рода внутренняя журналистика, получившая развитие в 1930-е гг., дает возможность понять общие задачи, ставившиеся перед местными органами Главлита, формы взаимодействия между центром и регионами. В своих статьях цензоры говорили о проблемах, препятствующих эффективному исполнению директив Главлита, формулировали вопросы к руководству, вносили предложения по совершенствованию практики цензурного контроля. Разбор этих документов позволил значительно продвинуться в вопросе воссоздания реальной картины состояния кадрового состава и возможностей Уралобллита.

Самая большая группа источников представлена *распорядительной* документацией. Сюда относятся резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения центрального аппарата Главлита, местных органов – обллитов. Следует констатировать, что в центральных архивах распорядительная документация за 1922–1937 гг. сохранилась фрагментарно. Частично компенсировать этот пробел помогает обращение к фондам региональных архивов. В фонде Уральского отдела народного образования (ГАСО, Ф. Р-233) имеется более шестидесяти документов, содержащих копии инструкций и циркуляров Уральского обллита за 1923–1924 гг. Ряд этих документов включает указания на распоряжения и циркуляры Главлита с пометками их выходных данных (номер, дата). В фонде Уральского обллита (ГАСО, Ф. Р-577) сохранились копии распоряжений Главлита за 1923–1928 гг., циркуляры Наркомпроса РСФСР за 1926–1927 гг., руководящие материалы окружным органам уральской цензуры за период с 1924 по 1929 гг. Вместе с тем оказалась утраченной периодическая отчетность пятнадцати окрлитов за 1926 г. Неполной сегодня является и база документов Свердловского обллита за 1934–1940 гг. (ГАСО, Ф. Р-577, оп. 2). Другую картину можно наблюдать в государственном архиве Челябинской области. В отдельную опись выделены приказы и циркуляры обллита за 1934–1941 гг. (ОГАЧО, Ф. Р-496). Ценность данного комплекса документов для диссертационного исследования заключается в возможности подвергнуть изучению процесс создания местных органов Главлита на Урале, в выделении основных этапов развития их организационно-правовой структуры. В то же время следует констатировать, что в распорядительной документации уральских обллитов нет статистических данных, сведений аналитического характера.

Следующую группу источников составляют *отчеты*, среди которых можно выделить текущие, периодические и плановые (например, годовые). Особенностью отчетной документации является наличие большого количества статистических сведений. Так, в докладах Пермского обллита за 1939 и 1940 гг. имеются данные о количестве штатных работников и лиц, осуществляющих цензурных полномочия по совместительству (ГАПК, Р-1156). В специальных таблицах были отражены контрольные цифры по количеству вычерков, произведенных предварительной цензурой и выявленных нарушений в порядке последующего контроля. В фонде Челябинского обллита обнаружены сведения не только о количестве штатного состава, но и отчеты о расходовании финансовых средств на содержание аппарата управления обллита (ОГАЧО, Ф. Р-496, оп. 2). Данные документы помогают осмыслить принципы комплектования кадрового состава, выявить причины кадрового «голода», высокой текучести в 1930-е гг., назвать приблизительные объемы работ, производимые цензорами за отчетные периоды. Нельзя сбрасывать со счетов и возможность фальсификации данных. В докладах не редкостью была подмена аналитики риторическими выкладками.

Особый интерес представляет текущая *переписка*, включающая как внешнюю переписку (с партийными органами, ведомственными учреждениями), так и внутреннюю по организационным, хозяйственным и иным вопросам. Раскрыть содержание практики социалистических соревнований между обллитами позволяет обращение, например, к переписке Свердловского обллита и Горьковского крайлита за 1934 г. (ГАПК, Р-684), 1939 г. (ГАСО, Ф. Р-577). Круг вопросов, решаемых совместными усилиями цензоров и чекистов, отображает переписка между Курганским окрлитом и местным отделом ОГПУ за 1926-1927 гг. (ГАКО, Р-48). В Нижнетагильском городском историческом архиве сохранилась переписка Тагильского окрлита с местным Епархиальным управлением Русской Православной церкви за 1927 г. (ГАНО, Ф. Р-21).

С целью изучения социального и профессионального состава уральских органов Главлита был осуществлен поиск *анкет*. В результате были обнаружены сведения о девяти работниках Уральского и Свердловского обллита руководящего и среднего звена (РГАСПИ, Ф. 17, оп. 9). В региональных архивах были найдены анкеты двух пермских (ПермГАНИ, Ф. 105) и двух курганских цензоров (ГАКО, Ф. Р-47). Осмыслить личностный аспект в становлении и функционировании местных органов Главлита на Урале позволило обращение к *личным делам* цензоров (ЦДООСО, Ф. 4; Ф. 4284). Большую ценность представляют и *протоколы собраний* партийных организаций Уралобллита и Свердловского обллита за 1933-1940 гг. (ЦДООСО, Ф. 4284). Материалы партийных собраний – это уникальный исторический источник, анализ которых дает возможность реконструировать механизмы принятия управленческих решений в конкретном местном органе Главлита, рассмотреть практики профессиональной и повседневной активности его работников.

Опубликованные документы условно можно разделить на три группы: законодательные акты и положения, произведения государственных деятелей и делопроизводственные документы Главлита.

Первая группа – законодательные акты и положения – нормативно-правовые акты органов государственного управления о Главлите. Так, в декретах СНК РСФСР содержались основные решения по вопросам организации и деятельности Главлита. Прежде всего, следует назвать такие документы, как декрет СНК РСФСР «Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства (Главлит)» от 6 июня 1922 г.⁴⁰, «Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства РСФСР (Главлит) и его местных органов» от 6 июня 1931 г.⁴¹ Среди других нормативных актов, использованных в данном исследовании, отметим декрет СНК РСФСР «О Комитете по контролю за репертуаром при Главном Управлении по делам

⁴⁰ СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 461.

⁴¹ Там же. 1931. № 31. Ст. 273.

литературы и издательства» от 9 февраля 1923 г.⁴², «Положение о Народном Комиссариате Просвещения РСФСР» от 5 октября 1925 г.⁴³, Постановление СНК РСФСР «О реорганизации главного управления по делам литературы и издательства (Главлит)» от 5 октября 1930 г.⁴⁴, Постановление СНК РСФСР «О сборах по Главлиту» от 16 февраля 1925 г.⁴⁵ Сюда же следует отнести документы Наркомпроса РСФСР, в частности, циркуляры «О содержании органов Гублита» от 8 марта 1923 г.⁴⁶, «О сохранении наименования инспекторов печати и зрелищ» от 1 ноября 1927 г.⁴⁷

Вторая группа – произведения государственных деятелей и руководителей цензуры. К этой группе отнесем труды В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, речи П.И. Лебедева-Полянского, Б.М. Волина и др.⁴⁸ Личностное видение государственными деятелями проекта социалистической культуры в целом определяло и корректировало в нужном направлении курс деятельности органов Главлита.

Третья группа – документы ведомственного делопроизводства Главлита, которые публиковались и продолжают публиковаться в тематических сборниках документов. В этой группе можно выделить две подгруппы:

а) Документы Главного управления по делам литературы и издательств, не имевшие грифа секретности и содержавшие общедоступную информацию о задачах и функциях органов политической цензуры (положения, инструкции).

Первый тематический сборник был опубликован в 1923 г.⁴⁹, в него вошли такие документы, как «Положение о Главлите» от 6 июня 1922 г., Инструкция Главлита его местным органам, Положение «О Главном репертуарном комитете по контролю за репертуаром» от 9 февраля 1923 г. Комментарии к этим документам составлены не были. В 1927–1930-е гг. известный советский правовед Л.Г. Фогелевич занимался составлением и изданием сборников документов «Действующее законодательство о печати»⁵⁰. В 1940–1980-е гг. подобной практики опубликования документов Главлита уже не наблюдалось.

б) Документы Главлита и его местных органов, с которых после 1991 г. был снят гриф секретности. Можно классифицировать сборники, содержащие рассекреченную базу документов Главлита, на три категории. К первой

⁴² СУ РСФСР. 1923. № 14. Ст. 177.

⁴³ Известия ЦИК СССР. 1925. 21 октября (№ 241).

⁴⁴ СУ РСФСР. 1930. № 50. Ст. 599.

⁴⁵ Известия ЦИК СССР. 1925. 24 февраля (№ 45).

⁴⁶ Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1923. № 15 (10 марта). С. 6.

⁴⁷ Там же. 1927. № 45 (23 ноября). С. 2.

⁴⁸ Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12. 5-е изд. М., 1968. С. 100-101; Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1923; Лебедев-Полянский П.И. О пролетарской культуре. Ростов-н/Д.: ОГИЗ, 1921; и др.

⁴⁹ Законы о печати / сост. С.И. Сахаров. М., 1923.

⁵⁰ Действующее законодательство о печати. Систематический сборник / сост. Л.Г. Фогелевич. 2-е изд. М., 1927; 3-е изд. М., 1929. 4-е изд. 1931; Основные директивы и законодательство о печати. Систематический сборник / сост. Л.Г. Фогелевич. М., 1935.

категории следует отнести документы, в которых основное внимание концентрируется на структуре и функционировании органов Главлита. Сюда подходят сборники под редакцией А.В. Блюма, Т.М. Горяевой и О.Д. Минаевой⁵¹. Ко второй категории отнесем документы, содержащие сведения об использовании властью органов Главлита в борьбе с инакомыслящей интеллигенцией⁵². В третью группу определим документы, содержащие сведения о деятельности органов Главлита в провинции⁵³.

Научная новизна исследования определяется применением институционального подхода, разработанного в социологии для решения конкретно-исторической проблемы: деятельности советского учреждения – уральских отделений Главлита в 1922–1941 гг.

Исследовательский фокус переносится с центральных учреждений на региональные, а вводимые в оборот источники позволяют придать человеческое измерение управленческим (контрольным) практикам.

На конкретном историческом материале были исследованы проявления политической цензуры в различных областях духовной жизни уральского региона (издательское дело, репертуар местных театров и гастролей, радиовещание). Значительное внимание в диссертации уделено анализу количественного и профессионального кадрового состава работников органов Главлита. Этот вопрос долгое время оставался неизученным в силу его сложности и противоречивости имеющихся в исторической науке взглядов и оценок. В результате проделанной работы удалось реконструировать модель кадрового аппарата местных органов Главлита на Урале, определить его сущностные характеристики, обозначить сильные и слабые стороны.

Впервые в исторической науке изучению подверглась повседневная жизнь работников Главлита, в том числе вопросы их бытового устройства, некоторые обстоятельства частной домашней жизни, психологический климат в коллективе, переживания обыденных фактов отдельными работниками и группами лиц.

С источниковедческой точки зрения новизна диссертации в том, что в научный оборот введено большое количество новых архивных документов, ранее не использовавшихся в отечественных и зарубежных исторических исследованиях. Новая архивная база позволила раскрыть неизвестные стороны

⁵¹ *Цензура в Советском Союзе. 1917-1991. Документы* / сост. А.В. Блюм. М., 2004; «Великая книга дня...». Радио в СССР. Документы и материалы / сост. Т.М. Горяева. М., 2007; *Русская журналистика в документах* / сост. О.Д. Минаева. М., 2003.

⁵² *«Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг.: сборник документов* / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994; *Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956* / сост. Л.В. Максименков. М., 2005; *Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917-1953* / сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М., 2002.

⁵³ *«Без визы не допускать...»: политическая цензура на Урале в период НЭПа: сб. архивных матер.* Пермь, 2009.

деятельности органов Главлита, что более полно отражает их роль в политическом развитии уральского региона в межвоенный период.

В диссертации разрабатывается новое исследовательское направление в изучении советских государственных учреждений, выполненное в контексте историко-институционального подхода, дополненного историко-антропологическими методами изучения прошлого. Литы рассматриваются в двойной проекции – социально-организованных институтов, сконструированных для вполне определенных целей, и как места жизнедеятельности самых разных личностных типов, призванных выполнять определенные функции, не совпадающие с их прежним жизненным опытом и социальными практиками.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее результатов в подготовке обобщающих трудов по истории СССР, по истории Урала в XX в., по истории духовной, культурной жизни на Урале в межвоенный период (период НЭПа, коллективизации, индустриализации). Данные анализа сохранившейся источниковой базы могут быть использованы при составлении сборников документов, энциклопедий⁵⁴. Положения диссертации применимы в учебной и учебно-методической работе при подготовке специальных курсов, лекционных и практических занятий для будущих историков и культурологов, филологов и журналистов, правоведов.

Соискатель произвел анализ существующей базы исторических исследований, неопубликованных источников и материалов. Полученные результаты позволяют сформулировать обобщения и выводы, представляющие интерес не только для дальнейшего изучения истории органов Главлита, но и для отечественной историографии в целом.

Отдельные положения могут быть применимы в общественной деятельности (подготовка публикаций в средствах массовой информации, разработка экспозиций, выставок), в реализации проектов в электронных периодических изданиях сети Интернет и т.д.

Апробация работы. Основное содержание работы отражено в трех монографиях (43, 6 п.л.), а также в научных публикациях, в том числе в журналах, рекомендованных ВАК РФ, общим объемом более 20 п.л.

Различные аспекты исследуемой проблемы освещались в докладах на международных, всероссийских и межвузовских научно-практических конференциях. В их числе такие, как: «Диалог культур и цивилизаций» (Тобольск, 2008; 2009), «Емельяновские чтения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции» (Курган, 2009), «Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы IX Всероссийской научной конференции» (Екатеринбург, 2009), «Дни науки исторического факультета 2009: Материалы II Международной научной конференции ученых, посвященной 175-летию

⁵⁴ Коллектив авторов и редакторов (М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева, М.В. Зеленев и др.) при поддержке РГНФ в 2011 г. подготовили к изданию энциклопедический словарь «Цензура в России». В издание было включено несколько наших документов.

Киевского национального университета» (Киев, 2009), «Актуальные вопросы истории Сибири: VII научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина» (Барнаул, 2009), «Научное, педагогическое и просветительское наследие М.К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономической и политической истории России и ее регионов XVI-XX вв.» (Уфа, 2010), «Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории» (Новосибирск, 2011).

Содержащийся в работе фактический материал, теоретические положения и выводы использовались при реализации научного проекта, поддержанного РГНФ (проект–10-01-82101а/У). Кроме того, монография «"Крепкая узда пролетарской диктатуры": органы Главлита на Урале в 1922-1941 гг.» была отмечена дипломом Всероссийского конкурса за лучшую научную книгу 2010 г. в номинации «Гуманитарные и общественные науки» (Сочи, 2011).

Материалы и выводы исследования используются в преподавании специального учебного курса «Цензура на Урале в 1920-30-е гг.: механизмы управления культурной жизнью региона» на историческом факультете Пермского государственного педагогического университета. Диссертация прошла обсуждение на кафедре новой и новейшей истории России ПГПУ.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Институализация цензурных практик была составной частью процесса конструирования новой властной системы. Ее можно рассматривать как компромисс между доктринальными традициями «старого большевизма», отвергающими цензуру, и текущими потребностями нового аппарата. Продуктом компромисса стало включение цензурного ведомства в структуру Наркомпроса РСФСР с соответствующими (низкими) статусными позициями.

2. Партийный контроль за работой Литов фактически отсутствовал. До середины 1930-х гг. низовой состав уральской цензуры формировался без прямого участия партийных органов. Партийные комитеты ВКП (б) не видели в работниках Главлита партнерскую структуру.

3. Органы госбезопасности оказывали работникам Главлита «техническую» и административную помощь. Чекисты следили за соблюдением цензорами нормативов секретного делопроизводства, осуществляли последующий цензурный контроль, проводили операции по контролю на книжном рынке.

4. В 1922–1941 гг. на Урале формировался кадровый аппарат института политической цензуры. Заведующие окроно и работники политпросветов в 1920-е г. представляли собою кадровый костяк органов цензуры. В 1930–1933 гг. кадровый состав уральской цензуры находился в кризисном состоянии, которое усугублялось высокой текучестью кадров.

5. В 1920–1930-е гг. на Урале только складывались принципы и механизмы цензурного контроля над издательским делом. Типографии и издательства применяли разную тактику ухода из-под контроля.

6. Уральские органы Главлита выполняли задачи по цензуре зрелищ. Однако на практике репертуарный контроль стал одним из самых слабых мест в деятельности уральских цензоров.

7. Контроль органов Главлита за радиовещанием не был системным, а в некоторых районах Урала к концу 1930-х гг. вообще отсутствовал. Цензоры постоянно сталкивались с противодействием радиовещательных организаций. Конфликты со связистами приводили к дезорганизации в работе цензуры.

8. Цензоры прилагали большие усилия в борьбе за создание нормальных бытовых условий для жизни. Несмотря на их активную позицию, региональные власти удовлетворяли их интересы по так называемому остаточному принципу.

9. Непрерывавшееся обновление кадрового состава аппаратов уральских обллитов во второй половине 1930-х гг. можно объяснить не столько уже известными событиями (например, репрессии), сколько так называемым «человеческим фактором». Не получая морального удовлетворения от статуса профессии, испытывая материальную нужду, люди уходили из ведомства.

10. Уральские органы Главлита в годы Большого террора избежали чистки и арестов. Ни один из руководителей уральских обллитов не был репрессирован. Это обстоятельство выделяет уральские органы Главлита из общей картины по СССР, поскольку серьезно пострадали от репрессий аппараты соседних Главлитов – в Башкирии и Татарстане.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложений. В приложениях содержатся хронологическая таблица, биографические справки о работниках уральских органов Главлита, схемы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, степень ее научной разработанности и новизны, научная и практическая значимость, цель, задачи, объект и предмет исследования, методологические основы и методы исследования, апробация результатов исследования, основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Главлит как институт политического контроля в советской системе» – рассматривается процесс создания в советском государстве Главлита как органа цензуры, включенного в систему политического контроля. Под *политическим контролем* понимается система регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в советском обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях антисоветских групп и организаций. Органы Главлита с 1922 г. осуществляли политический контроль над публичной деятельностью редакций СМИ, литературных кружков, типографий и издательств, кинопрокатных контор,

театральных трупп, радиовещательных организаций и т.д. Контроль был как предварительным, так и последующим.

В первом параграфе «Институализация цензуры в политической системе» раскрывается процесс упорядочения контрольных практик в духовной сфере советского общества в одном организованном учреждении. Первые шаги новой власти свидетельствуют о том, что лидеры партии большевиков не видели необходимости в создании специализированного цензурного органа. Функции политического контроля были сосредоточены в ВЧК и ее местных отделах. Кроме того, в сферу цензуры вовлекались все новые госструктуры – Государственное издательство (ГИЗ), Главполитпросвет Наркомпроса РСФСР и др. Вместе с тем все отчетливо выступающая на первый план потребность нового властного аппарата в оптимизации цензурных практик разбивалась о доктринальные традиции «старого большевизма», отвергающего цензуру в принципе.

Учреждение Главлита летом 1922 г. стало своего рода компромиссом между лагерями сторонников и противников институализации цензуры. Продуктом компромисса стало включение цензурного ведомства в структуру Наркомпроса РСФСР с относительно низкими статусными позициями в системе власти. Из этого следовало, что защищать интересы рабочего класса и диктатуру партии главлитовцы могли лишь в формате системы народного образования. Во властной системе СССР по весу и значимости Наркомпрос занимал не первое и не последнее место. Иными словами работники системы образования не имели никаких преимуществ перед служащими других советских учреждений и организаций. Едва только приступив к выполнению цензурных полномочий, служащие ОНО сталкивались с разными формами противодействия со стороны подконтрольных организаций. Наркомпрос де-факто не мог придать работникам Главлита авторитета и значимости профессии цензора. Следует также иметь в виду, что Главлит был не единственным органом, призванным осуществлять цензуру. Кроме «главлитовской» существовала партийная цензура, «карательная» цензура (ОГПУ-НКВД), самоцензура (авторская цензура) и т.д.

Руководители Главлита довоенного времени ставили перед руководством страны вопрос о предоставлении Главлиту статуса самостоятельного управления. Более всех в этом преуспел Н.Г. Садчиков, возглавивший Главлит в 1938 г. Предположим, что реализация его предложения о создании Главного цензурного управления могла способствовать завершению процесса институализации цензуры. Однако ни в конце 1930-х гг., ни после войны Главлит не получил такого развития. Содержание нового государственного органа требовало больших расходов, поэтому решение передать Главлит из одного министерства в другое было признано с экономической точки зрения более целесообразным.

Во втором параграфе «Органы Главлита и партийные комитеты ВКП (б)» преследовалось решение исследовательской задачи, заключающейся в

изучении практики взаимодействия уральских органов Главлита с местными партийными комитетами РКП–ВКП (б).

В создании Уральского областного управления по делам литературы и издательств (далее: Уралобллит) местная партийная власть приняла номинальное участие. Формально приняв в марте 1923 г. постановление по вопросам регламентации деятельности гублитов и обллита, Уралбюро ЦК ВКП (б) далее не проявляло живого интереса к органам политической цензуры. Губернские и уездные партийные комитеты ВКП (б), в обязанности которых с весны 1923 г. входило осуществление надзора за деятельностью местных органов Главлита на Урале, также не спешили осваивать новое для них направление. Исследование показало, что на этапе формирования уральских органов Главлита парткомы не участвовали в отборе кандидатов на должности работников цензуры. Уездных цензоров – начальников улитов – Уралобллит назначал, имея на руках всего лишь представление начальника гублита и визу губернского ОНО. Парткомы ВКП (б) за 1923–1924 гг. не ввели в практику надзора ни одной формы отчета по результатам работы уральских органов цензуры. Заметим, что сам Главлит редко поставлял в ЦК ВКП (б) какие-либо отчеты. Это затрудняло понимание аппаратом ЦК сути деятельности Главлита и его местных органов и делало цензуру повсеместно в определенной степени бесконтрольной.

Во второй половине 1920-х гг. уральские партийные комитеты ВКП (б) продолжали проявлять интерес к деятельности органов Главлита, что называется, от случая к случаю. Партнёрские отношения не развивались по многим причинам. Парткомы не испытывали особой нужды в цензуре и не видели разницы в том, кто займет место в том или ином окрлите. Цензурное дело коммунистам представлялось как нечто негласное, неформальное, даже в какой-то степени непристойное. В тех же случаях, когда интересы сторон пересекались в издательских проектах, парткомы давали цензорам мощный отпор. В ходе исследования были установлены факты, когда представители местной партийной элиты сознательно, в обход цензора, отправляли в типографию материалы без визы Лита. Решениями райкомов ВКП (б) начальники райлитов отправлялись в длительные командировки в район, выполняя различные хозяйственные поручения. Цензурное дело при этом пускалось на самотек. В исследовании были приведены и другие типовые примеры конфликтных ситуаций. Довольно редко парткомы ВКП (б) реагировали на просьбы работников Главлита об оказании им материальной поддержки, помощи в урегулировании бытовых вопросов. Все это в целом подтверждает нашу гипотезу, что партийные комитеты не видели в работниках Главлита партнерскую структуру. Если уральские обкомы ВКП (б) не часто включали в повестку заседаний бюро доклады начальников обллитов, то на местах подобная практика за редким исключением отсутствовала.

Ситуация стала меняться только в 1938 г., когда должности цензоров были включены в номенклатурную систему. Обкомы ВКП (б) стали реагировать на обращения обллитов, в первую очередь решались вопросы материально-

бытового характера (выделение помещений, оборудование рабочего места). Однако сближение парткомов и органов Главлита происходило не повсеместно. Если в Пермской области в 1939-1941 гг. сотрудничество сторон принимало все более новые, позитивные формы, то в Свердловской области местные органы Главлита не смогли добиться положительного результата.

В третьем параграфе «Литы и органы государственной безопасности (ОГПУ–НКВД)» освещаются практики взаимоотношений между уральскими органами Главлита и местными отделами ГПУ-ОГПУ-НКВД.

В 1922 г. политический контроль за издательским делом, книжным рынком и репертуаром театров, филармоний на Урале осуществляли органы ГПУ. Передача чекистами полномочий по предварительной цензуре местным органам Главлита состоялась в начале 1923 г. Причем каких-либо требований со стороны чекистов к кандидатам на занятие секретной работы не было предъявлено. Нами не было выявлено ни одного случая, когда бы уральские органы ГПУ опротестовали назначение на должность начальника гублита-окрлита. Разграничение компетенций в сфере цензуры в дальнейшем продолжалось. До весны 1924 г. уполномоченные ГПУ (далее: политконтролеры) занимались проверкой книжных фондов уральских библиотек. Отдел Политконтроля полномочного представительства ОГПУ на Урале в циркуляре № 3116/с от 9 мая 1924 г. постановил передать эту обязанность на местах окрлитам. Заметим, что уральские органы Главлита не занимались перлюстрацией. Это занятие оставалось прерогативой органов госбезопасности.

При создании гублитов и обллитов в состав их аппарата управления включался представитель ГПУ. В январе 1923 г. в Уралобллит был направлен заместитель начальника Отдела Политконтроля Наймушин. Присутствие политконтролера значительно облегчало работу Уралобллита в плане оперативного информирования о результатах последующего контроля. В своих отчетах в Главлит начальник Уралобллита А.Д. Ослоновский признавал необходимым развивать сотрудничество с органами госбезопасности.

В округах Уральской области чекисты оказывали органам Главлита действенную техническую помощь. Копии актов об изъятии запрещенной литературы, граммофонных пластинок, рекламной продукции направлялись в окрлит. Политконтролеры и цензоры проводили совместные операции по контролю книготорговой сети. Следует также отметить, что органы ОГПУ-НКВД в 1920–1930-е гг. следили за соблюдением в окрлитах и райгорлитах нормативов секретного делопроизводства. Акты о состоянии делопроизводственной документации в цензурном органе направлялись в Главлит.

Таким образом, пути цензоров и политконтролеров постоянно пересекались. Вряд ли имеет смысл утверждать, что политконтролеры никогда не вмешивались в работу цензоров. И цензоры, в свою очередь, нередко брали на себя полномочия чекистов. Однако чаще всего на местах оба ведомства

совместными усилиями занимались решением мобилизационных задач, выдвигаемых большевистским режимом. Представляется, что категория «взаимодействие» более подходит к характеристике отношений цензоров чекистами, чем какие-либо другие конструкции.

Во второй главе – «Создание и развитие системы органов Главлита на Урале» – реконструируется процесс организационно-правового строительства местных органов Главлита на Урале в 1922–1930-е гг., выделены этапы в их развитии, показана эволюция организационных форм. Большое внимание уделено Уралобллиту как главному цензурному учреждению на Урале в 1920-е – первой половине 1930-х гг.

В первом параграфе «Уралобллит как централизованное цензурное ведомство (1922-1933 гг.)» показаны условия создания Уралобллита, обозначены принципы и механизмы осуществления его аппаратом управления местными органами (улитами и окрлитами), дана характеристика основных направлений деятельности Уралобллита.

Датой создания Уральского областного управления по делам печати и зрелищ следует считать 15 декабря 1922 г. В этот день на должность начальника новой структуры в составе Екатеринбургского губоно был назначен А.Д. Ослоновский, до этого возглавлявший отдел снабжения губоно.

За одиннадцать лет существования Уралобллит оставил значительный след в политической и культурной истории уральского региона. Прежде всего поражает своим объемом нормативная база Уралобллита. Небольшой аппарат работников (от 2 до 3 чел.) за 1920-е гг. разработал и распространил в адрес своих местных органов сотни циркуляров, инструкций и распоряжений по цензурному делу. Подобный результат мог быть достигнут только при условии профессионального подхода к делу лиц, стоявших во главе Уралобллита. Конечно, проблема правоприменения этой нормативной базы была весьма актуальной и значимой. Исследование показало, что не все инструкции и циркуляры Уралобллита были реализованы в практической деятельности цензоров. Наладить контроль за исполнением на местах нормативных документов оказалось нелегким делом. Отметим, что контрольной функции руководители Уралобллита пытались придать системный характер. Предпринимаемые неоднократно попытки в этом направлении успехом не увенчались. Одна из причин – реорганизация уральских органов Главлита в 1930 г., повлекшая серьезные сбои в работе районной цензуры.

В исследовании описаны финансовые, кадровые, имиджевые проблемы уральских органов Главлита. Коллектив Уралобллита в 1932 г. получил неудовлетворительную оценку на основании данных ревизии, проведенной инспекторами Главлита. Главная претензия была сформулирована так: Уралобллит «ни в какой степени не стал оперативно-организационным центром политконтроля в области». Вскоре после ревизии был уволен начальник Уралобллита П.П. Бажов (1930-1932 гг.). Его преемник С.И. Тубанов в 1933 г. предпринял попытки выправить тяжелую ситуацию. Ряд предложенных мер (премирование за труд «отличников», введение рейтинговой системы)

преследовали цель укрепить уральские органы Главлита, положить конец высокой текучести кадров и устранить «обезличку» в работе. Однако начавшаяся очередная административно-территориальная реформа на Урале не позволила С.И. Тубанову реализовать свой план. В январе 1934 г. Уралобллит был ликвидирован. Начался период децентрализации органов Главлита на Урале.

Во втором параграфе «Организационно-правовое устройство цензурных органов в 1934–1938 гг.» исследуется дальнейшее развитие системы местных органов Главлита на Урале. После ликвидации Уралобллита, в сущности, была восстановлена схема строения органов Главлита на Урале до его создания. Как и в каждой губернии в 1922 г., в Свердловской и Челябинской областях в 1934 г. были сформированы обллиты. Разница заключалась лишь в том, что, в отличие от гублитов, обллиты создавались уже на подготовленной почве. Их кадровый костяк состоял из людей, получивших опыт работы в Уралобллите.

Проблемы, стоящие перед органами цензуры на этапе организации, руководителям обллитов С.И. Тубанову (Свердловский обллит) и П.Н. Шмелеву (Челябинский обллит) были известны. С.И. Тубанов частично реализовал свои идеи по развитию Уралобллита на базе Свердловского обллита: внедрение практики социалистических соревнований, «красные» / «черные» доски для отличников и нарушителей, периодические смотры цензурного «мастерства». В Челябинском обллите быстрыми темпами развивалась система повышения квалификации цензоров. Кризисным для обллитов стал период с 1935 по 1938 гг. Высокие показатели текучести кадрового состава, выполнение цензурных полномочий в районах «случайными» людьми – лицами, не имеющими прав на эту деятельность, неудовлетворительные условия организации труда на местах, – все это в совокупности препятствовало реализации задачи повышения эффективности предварительного и последующего контроля.

Перевод органов Главлита в 1938 г. на государственное финансирование, а также включение должностей цензоров в номенклатурную систему вызвало серьезные изменения в структуре цензурного ведомства. Утверждалось новое штатное расписание по регионам, распределялись бюджетные средства. В центре изменения протекали по естественным причинам довольно быстро, чего нельзя сказать о провинции. Так, Свердловский обллит только весной 1939 г. смог переехать в новое помещение, которое удовлетворяло минимальным требованиям, предъявляемым к рабочему месту цензора. Начальник обллита А.П. Горских в отчете за 1939 г. в Главлит с особой гордостью подчеркивала, что «уже семь уполномоченных имели персональный телефон». При этом высокие темпы текучести штатного состава сохранялись. В Челябинском обллите работники выражали недовольство ненормированным рабочим днем и все увеличивающимися объемами работы. В Пермском обллите, образованном в октябре 1938 г., только в 1939 г. в райгорлитах сменилось три четверти штатного состава работников. В докладных записках в Главлит начальники уральских обллитов называли две основных причины:

перевод работников цензуры райкомами ВКП (б) на «другую работу» и «личные заявления ряда товарищей об отказе работать уполномоченными Обллита».

Исследование показало, что реальные сдвиги и практические результаты в работе по основным направлениям были достигнуты уральскими обллитами только накануне Великой Отечественной войны. В дополнение заметим, что курс на децентрализацию был продолжен. Новые обллиты – Курганский и Тюменский – появились в течение десятилетия после упразднения Уралобллита. В военное и послевоенное время попыток создания чего-то похожего на межобластной цензурный центр не наблюдалось.

В третьем параграфе «Люди цензурного ведомства: уровень руководства» преследовалась задача изучения личностного аспекта в становлении и функционировании института политической цензуры. Выбор пал на людей, которые находились во главе уральского обллита не менее трех лет и принесли в цензурный орган различного рода новации.

Изучению подверглись биографии руководителей Уралобллита А.Д. Ослоновского, М.Р. Ланге, П.П. Бажова и начальников Свердловского и Пермского обллитов – С.И. Тубанова и М.Н. Пермяковой. Первый начальник Уралобллита А.Д. Ослоновский показал удивительную работоспособность в процессе создания структуры уральских органов Главлита – улитов и окрлитов. Его преемник М.Р. Ланге до назначения в Уралобллит работал в областной прокуратуре. Будучи по образованию юристом, М.Р. Ланге приложил немалые усилия по созданию правовой базы в деятельности уральских органов Главлита. В 1926 г. им была разработана инструкция «О деятельности Уралобллита и его местных органов», ставшая основным руководящим документом в работе цензоров. Представитель журналистской профессии П.П. Бажов, назначенный на должность начальника Уралобллита в 1930 г., не испытывал больших симпатий к цензурному делу. Однако именно он обнаружил в низовом звене уральской цензуры такое явление, как «райлитификация», и прилагал немалые усилия для его искоренения.

Последний начальник Уралобллита С.И. Тубанов инициировал создание партийной организации цензоров. В Свердловском обллите опыт коллективной партийной работы был активно применен при решении профессиональных и материально-бытовых проблем. В 1939 г. Пермский обллит возглавила М.Н. Пермякова, выпускница исторического факультета Пермского педагогического института. Она поставила рекорд по времени нахождения во главе цензурного ведомства – почти 12 лет. Изучение ее биографии позволило обозначить новые требования к кандидатуре на должность цензора, а также выявить критерии, предъявляемые к руководителю обллита на рубеже 1930–1940-х гг.

После ухода из цензурного ведомства никто из этих людей не выпал из сферы культурной жизни Урала. А.Д. Ослоновский и П.П. Бажов работали редакторами в уральском отделении Госиздата, а М.Р. Ланге на аналогичной

должности в уральском отделении Российского телеграфного агентства. С.И. Тубанов стал директором Антирелигиозного музея в г. Свердловске, а М.Н. Пермякова возглавила сектора печати отдела пропаганды и агитации Молотовского обкома ВКП (б).

Руководители органов Главлита на Урале принадлежали к советской интеллигенции. От иных ответственных работников соответствующего уровня их отличало образование, склонность к литературному труду, умение сохранять дистанцию от своих подчиненных, принадлежащих к иному кругу. Они были социально близки писателям, театральным деятелям и журналистам, над которыми они осуществляли политический контроль, в том числе и по жизненному стилю. Они хорошо понимали своих подопечных, что хотя и позволяло им эффективно выполнять возложенные функции, в то же время приводило к конфликтам со столичным начальством, недовольным их медлительностью, небрежностью в делопроизводстве, в общем, порицаемой интеллигентностью.

В третьей главе – «Кадровый состав уральских органов Главлита в 1920-1930 гг.» – исследуется процесс формирования кадрового аппарата местных органов Главлита на Урале, дается характеристика социального и профессионального состава органов цензуры, рассматривается становление системы повышения квалификации уральских цензоров.

Первый параграф «Формирование кадрового аппарата в 1922–1933 гг.» посвящен анализу процесса создания кадрового состава. В ходе исследования было установлено, что в 1922–1924 гг. численный состав уральских органов Главлита был сравнительно небольшим. Первоначально обязанности по предварительной цензуре в уездах были возложены на заведующих местными отделами народного образования (улиты). Выделенных ставок заработной платы не было, соответственно за дополнительную нагрузку работники ОНО денежного вознаграждения не получали. Объемы же цензурной работы возрастали, вследствие чего к осени 1923 г. заведующие ОНО передали эту нагрузку своим заместителям – работникам политпросвета. Надо сказать, что секретное делопроизводство в улитах не было налажено, корреспонденция в Уралобллит отправлялась в общем порядке. Сами же работники улитов процедуру допуска к секретной работе не проходили.

На рубеже 1923–1924 гг. уральские органы Главлита подверглись реорганизации. Она была вызвана реформой административно-территориального деления Уральской области. Уездное деление в регионе упразднялось, создавались округа и районы. Соответственно вместо улитов были созданы окрлиты. К середине 1920-х гг. на территории Уральской области действовало 16 окрлитов. В бюджетах окружных ОНО с 1925 г. закладывались денежные средства на текущие расходы окрлитов. Однако не всегда цензоры могли воспользоваться выделяемыми средствами.

Кадровый костяк окружной цензуры во второй половине 1920-х гг. составляли заведующие окроно и их заместители. В районах в рамках совмещения вводились должности уполномоченных окрлита. По

представлению начальника окрлита Уралобллит утверждал кандидатов на должности райуполномоченных. С 1926 г. местные органы ОГПУ проводили процедуру допуска кандидатов к секретному делопроизводству. Состав уполномоченных рекрутировался из районных отделов политпросвета. В докладных записках в окрлит уполномоченный, как правило, писал свою должность по основному месту работы – «политпросветорганизатор». Социальный состав низового звена работников политической цензуры был преимущественно крестьянским. Так, на 1 сентября 1926 г. в Курганском округе работало 15 уполномоченных окрлита. Средний возраст цензоров составлял 26 лет. Из них 31 % были выходцами из рабочего класса, 56 % крестьян и 13 % служащих. Членами ВКП (б) числились 12 чел., кандидатами в члены ВКП (б) – 3, один уполномоченный был комсомольцем. Половина уполномоченных окрлита освоили курс совпартшколы II ступени, 20 % освоили курс совпартшколы I ступени, остальные прошли краткосрочные курсы обучения в школах политической грамоты. В других округах Уральской области приведенные показатели существенно не отличались.

В 1920-е гг. отсутствовала система повышения квалификации цензоров. Уралобллит не разработал квалификационные характеристики, которым должен был соответствовать каждый цензор. Образовательный уровень уральских цензоров был невысоким, никто из них не имел высшего образования. Каких-либо ассоциаций и организаций для работников цензурного ведомства в этот период времени не было создано. Фактически уральский цензор работал в изоляции, на свой страх и риск.

В 1930–1933 гг. кадровый состав уральской цензуры находился в кризисном состоянии. Поиск преодоления застоя начался накануне очередной административно-территориальной реформы Уральской области. Важно также отметить, что в этот период времени происходит постепенный отказ от услуг работников местных ОНО, политпросветорганизаторов. Полномочия цензоров передаются политредакторам газет и уполномоченным при государственных издательствах. В 1932–1933 гг. складывается практика назначения в райгорлиты инструкторов парткомов ВКП (б), заведующих районными культпропами, парткабинетами. Было установлено, что на Урале эта новация появилась на два-три года раньше, чем на Европейском Севере СССР.

Второй параграф «Социальный и профессиональный состав уральской цензуры в 1934–1938 гг.» посвящен изучению количественных и профессиональных характеристик в кадровом составе трех уральских обллитов. Исследование показало, что в данный период времени продолжился процесс формирования кадрового состава уральских органов Главлита. Свердловский, Челябинский и Пермский обллиты боролись с теми же проблемами, что и Уралобллит: материальные и бытовые неурядицы, «обезличка» в работе, высокая текучесть кадров, невнимание местных партийных и советских органов власти к нуждам цензуры. Вместе с тем этот период отличается от предыдущего важными новациями.

Во-первых, возрастает представительство партийной номенклатуры, особенно в районном звене. При этом доля служащих ОНО сокращается в несколько раз и сводится до минимума. В дальнейшем в 1940–1950-х гг. районными уполномоченными будут назначаться партийные функционеры.

Во-вторых, хоть несколько запоздало, но все же коммунисты-цензоры получили возможность создавать первичные партийные и профсоюзные организации. Это придавало им больше уверенности в завтрашнем дне, укрепляло их веру в значимость своей работы для государства.

В-третьих, существенно изменилась система финансирования органов цензуры. Отныне цензор ежемесячно получал заработную плату, мог рассчитывать на оплату командировочных, канцелярских и иных расходов. Так, заработная плата уполномоченного Свердловского обллита в 1938 г. составляла 650 руб. Все же это было немного ниже, чем у ответственного редактора пермской газеты «Звезда» (750 руб.).

В-четвертых, посредством организации социалистических соревнований, производственных смотров, кустовых и областных совещаний обллиты постепенно решали проблему «изоляции» районных уполномоченных. Райлиты и горлиты получили возможность перенимать опыт друг у друга, делиться новациями с коллегами.

В-пятых, в кадровом составе уральской цензуры появились люди с высшим и средним профессиональным образованием. Эту прослойку работников Главлита А.В. Блюм назвал «советской служилой интеллигенцией». Количество таких людей впоследствии будет увеличиваться, многие из них надолго задержатся в цензуре. После войны одним из критериев назначения на должность цензора станет наличие высшего профессионального образования.

Третий параграф «Организация системы повышения квалификации цензоров» посвящен рассмотрению вопросов создания и функционирования в уральских органах Главлита системы повышения квалификации.

Понимание того, что большевистская бдительность и классовая нетерпимость к «буржуазной» культуре – не единственные возможные деловые качества советского цензора, пришло не сразу. В 1920-е гг. формировался тип работника-исполнителя директив Главлита. В погоне за высокими показателями цензурной работы как-то забывалась фигура самого цензора. Лозунг первой пятилетки «Темпы решают все!» подходил к характеристике сложившейся ситуации в цензурном ведомстве. Однако будем иметь в виду, что о квалификации как категории, обозначающей уровень профессионализма, речь все же велась в самых верхних «этажах» власти. Уже на X съезде РКП (б) вопросу о кадровом составе советского государственного аппарата было уделено достаточное внимание. Уже не членству в РКП (б), не «пролетарскому происхождению», а профессиональным и деловым качествам отдавалось предпочтение в принимаемых на съезде резолюциях. Вместе с тем после перехода к НЭПу партийная элита кадровую политику оставила без изменения. Характер и методы решения кадровых вопросов продолжали быть

свойственными периоду военного коммунизма. Верхи лишили партию возможности формировать кадры в соответствии с требованиями ими же провозглашенной новой экономической политики. Одним из итогов этого курса стало отсутствие в практике деятельности цензурных органов в 1920-е гг. плановой подготовки работников органов Главлита с целью повышения их квалификации.

В 1930-е гг. ситуация стала меняться. Шаг за шагом в уральских органах Главлита создавалась система повышения квалификации цензоров. В призыве начальника Главлита Б.М. Волина «Надо учиться!» можно разглядеть отказ Главлита от прежней трактовки фигуры цензора как простого исполнителя его директив. Деловые качества и профессионализм стали базовыми критериями, дополнив уже известные нам – социальное происхождение и классовую нетерпимость. «Кадры решают все!» – это знаменитое, ставшее крылатым, выражение И.В. Сталина нашло отклик в местных органах Главлита на Урале. Ответом на вызов в виде проблемы высокой текучки кадров могла стать только хорошо налаженная, бесперебойно работающая система подготовки цензоров-специалистов. Попадая в такую систему, цензор не оставался один на один с массой непонятых ему инструкций Главлита. При условии добросовестного исполнения своих обязанностей и желания работать он имел все шансы уже в считанные месяцы освоить это нелегкое ремесло.

С начала 1930-х гг. по инициативе Уралобллитита была введена практика созыва областных совещаний для работников райгорлитов. На совещаниях обсуждались проблемы в цензурной работе, заслушивались доклады цензоров о состоянии цензуры в городе или районе, вырабатывались практические рекомендации. Вслед за этим была сделана ставка на самообучение. Цензорам настоятельно рекомендовалось осваивать курсы политической грамотности, учиться в партшколах и комвузах, посещать открытые лекции специалистов в области марксизма-ленинизма и т.д. Долгое время обллиты не имели средств на организацию постоянно действующих учебных курсов. Проблема частично разрешилась в 1938 г., когда впервые были выделены денежные средства на эти цели. Занятия по политической и «технической» учебе в конце 1930-х гг. приобрели системный характер. Программы очного и заочного обучения составлялись теперь не только в аппарате управления обллитов. В их разработку привлекались специалисты ПУРа РККА, НКВД и других ведомств. Важным достижением стало включение в систему повышения квалификации совместителей – «неосвобожденных» работников. Введение зачетной системы сразу выявило уровень подготовки работников уральских органов Главлита: он оказался невысоким. По результатам зачетов для каждого работника разрабатывались рекомендации по устранению недочетов. Вместе с тем следует констатировать, что сдерживающим фактором в развитии системы повышения квалификации, как и прежде, являлся недостаток денег, выделяемых на эту статью расходов.

В четвертой главе – «Цензурный режим на Урале в 1922–1938 гг.» – изучению подверглись проявления политической цензуры в различных областях культурной жизни Урала (издательское дело, зрелища, радио). *Цензурный режим* – это совокупность методов, приемов и средств проведения политики в сфере цензуры, включающая весь комплекс организационных и регулятивно-контрольных мероприятий в рамках цензурной системы.

В первом параграфе «Политический контроль над издательской деятельностью в регионе» показаны методы и формы осуществления уральскими органами Главлита контроля за деятельностью местных типографий и издательств. Проводимым в рамках этого направления мероприятиям уделялось особое внимание Главлита, а с результатов контроля за издательским делом, как правило, начинался любой отчет местного органа Главлита.

Уже в начале января 1923 г. Уралобллит поставил перед цензорами задачу взять на учет все имеющиеся в губерниях типографии и издательства, после чего в течение месяца последние прошли в обязательном порядке процедуру регистрации в обллите. По данным Уралобллита на 1 марта 1923 г. в четырех уральских губерниях действовала 41 типография, частных издательств не было выявлено. Весь предназначенный к изданию печатный материал подлежал предварительной цензуре. С весны 1923 г. уральские гублиты и улиты стали получать инструктивный материал, содержащий перечни сведений, не подлежащих опубликованию в местной печати. Так, в «Инструкции по цензуре печати» от 10 декабря 1923 г. уральским цензорам предписывалось не пропускать в печать «бульварную» прессу, «недобросовестную» рекламу, «порнографию», издания «мистического» характера. Однако издатели повели себя не так, как хотелось Уралобллиту. Обязательные экземпляры газет и другой печатной продукции отправлялись в окрлиты от случая к случаю, задержки составляли от одного до четырех месяцев. Последующий контроль периодически выявлял нарушения, когда редакторы уже после получения визы Лита делали вставки и дополнения в текст произведения. Участвовавшие конфликты между цензорами и издателями на местах вынуждали руководителей уральских обллитов напрямую обращаться с требованиями к заведующим типографиями и редакторам газет. Первое обращение состоялось 16 марта 1925 г., в котором АД. Ослоновский призвал ответственных работников типографий и издательств строго соблюдать цензурное законодательство. Уралобллит грозил издателям уголовной ответственностью за нарушения в сфере оборота печатной продукции. Однако подобные обращения желаемого результата на издателей не производили.

Во второй половине 1920-х гг. к издательской деятельности предъявлялись все новые требования. Контролю подвергался не только сам текст произведения, но и принципы его оформления, тираж, расход печатных материалов. В ежегодных планах работы начальников уральских окрлитов значились мероприятия по контролю за работой типографий. Так, в плане работы на 1929–1930 гг. начальника курганского окрлита М. Захарова

значилось «наблюдение» за окружной типографией «Красный Курган». Задачи наблюдения формулировались следующим образом: «Установить взаимоотношения по части выпуска в свет каких-либо работ, добиться уменьшения порчи бумаги, лично договориться, что можно печатать, что нельзя, кому и как». В целом, несмотря на отмеченные сложности, цензурный контроль над издательским делом в округах Уральской области в конце 1920-х гг. был налажен.

В начале 1930-х гг. с упразднением окружного деления области Уралобллит был вынужден реорганизовать окрлиты. В районах наметился настоящий газетный «бум». В отчетном докладе в Главлит за 1931 г. начальник Уралобллита П.П. Бажов был вынужден констатировать, что ситуация с цензурой районной периодики вышла из под контроля. По данным Уралобллита количество районных газет за полтора года увеличилось почти в 10 раз (с 16 ед. в 1930 г. до 156 ед. к осени 1931 г.). В 1932-1933 гг. Уралобллит предпринимал попытки охватить контролем все действующие в области издательства и типографии. Однако до конца эту работу довести не удалось. В 1932 г. в более чем 10 районах газеты выходили без визы Лита, за цензоров материалы визировали редакторы периодических изданий (например, в Перми и Мотовилихе).

В середине и второй половине 1930-х гг., несмотря на выстраивание жесткой системы цензурного контроля над технологическим процессом издания печатных произведений, местным органам Главлита на Урале все же не удавалось свести до минимума количество выходящих из-под типографского станка политико-идеологических и экономических «прорывов». Исследование показало, что к концу 1930-х гг. только складывались принципы и механизмы цензурного контроля над деятельностью типографий и издательств. Органам Главлита постоянно и порой в тяжелой борьбе приходилось доказывать свое право на контроль. Уральские цензоры сталкивались с реальным противодействием со стороны издателей и редакций СМИ. Порой они сами путались в инструктивном материале и принимали свои решения на основе документов, уже утративших силу. Рост «прорывов» в печати был неизбежен. Единичными случаями было реальное привлечение к ответственности кого-либо из уральских издателей.

Во втором параграфе «Цензура зрелищных мероприятий (театр, эстрада, музыка, кино)» исследованию подверглись цензурные практики в области зрелищных предприятий. Проведенный анализ большого массива архивных документов дал следующие результаты.

Органы Главлита на Урале выполняли задачи по цензуре зрелищ в 1923–1938 гг. Объектом контроля становился репертуар как советских учреждений (театры, филармонии, кино клубы, музыкальные заведения), так и гастролирующих трупп и отдельных артистов. Следуя распоряжениям Главлита и Главреперткома, Уралобллит стремился охватить предварительным контролем все возможные вариации творческой мысли в области зрелищ. Однако на практике репертуарный контроль стал одним из самых слабых мест

в деятельности уральских цензоров. В большинстве случаев эта работа подменялась простой фиксацией фактов, ведением статистики поставленных в районе пьес, концертов и кинофильмов. Не каждый цензор мог распознать уловки, к которым прибегали артисты, преследуя цель обойти существующие запреты. Примером же эффективной работы можно считать деятельность начальника Шадринского окрлита Г. Новоселова, жестко пресекавшего выходки «гастролеров». Так, к административной ответственности был привлечен артист Славин, на сцене курганского городского театра «Новый мир» 3 марта 1927 г. исполнивший вопреки цензурному запрету эстрадный номер-монолог «Беспартийный доклад».

Вместе с тем в циркулярах уральских обллитов можно найти и обратные примеры, в частности «выступления» Вали Гуркова в Куртамышском районе (хождение с самоваром на голове). Большие хлопоты цензорам доставляли разборки с подконтрольными организациями – администраторами театров, киноконтор. На нарушителей-гастролеров составлялись акты, ходатайства в местные исполкомы Советов о привлечении их к юридической ответственности.

Не всегда местные власти удовлетворяли ходатайства цензоров. Произведенный разбор так называемого «Дела Жарковой» (нижнетагильского цензора А.В. Жарковой) показал, что одна ошибка могла стоить цензору не только занимаемой должности, но и судебными тяжбами и материальными затратами. Развитие сети культурных заведений на Урале в 1930-е гг. привело к тому, что местные органы Главлита реально не справлялись с задачами по цензуре зрелищ. Появление новой структуры – областных реперткомов и их уполномоченных – не привело к разгрузке в работе служащих Главлита. В конце 1930-х гг. уральские цензоры продолжали вести работу по контролю за репертуаром. С точки же зрения вышестоящих инстанций, региональная цензура над зрелищными мероприятиями была недостаточно строгой. Невозможно было заранее регламентировать импровизации работников сцены, привыкших реагировать на непосредственные запросы зала.

В третьем параграфе «Радиовещание на Урале как объект политической цензуры» отображена работа уральских органов Главлита по контролю над радиовещанием. В отличие от печати и зрелищ радио довольно длительный период времени оставалось вне поля зрения цензоров. На Урале первые попытки цензоров установить контроль над радиовещанием были обнаружены не ранее середины лета 1926 г. Так, 21 июля 1926 г. в циркуляре № 102/с начальник Уралобллита М.Р. Ланге впервые потребовал от окружной цензуры «срочно представить сведения об учете радиостанций округа». Вслед за этим последовали распоряжения о порядке цензуры материалов, предназначенных в эфир.

10 января 1927 г. постановлением «О руководстве радиовещанием» ЦК ВКП (б) окончательно закрепил за Главлитом функцию политического контроля над радиовещанием. Вместе с тем анализ деятельности аппарата

Уралобллита за 1927–1928 гг. показал, что контроль над радиовещанием в округах Уральской области оставался номинальным до начала 1930-х гг.

24 мая 1930 г. Главлит РСФСР в циркуляре № 1141/с «О контроле над радиовещанием» потребовал от своих местных органов усилить цензурный контроль за деятельностью радиоузлов, станций и обществ. Претворять в жизнь указания Главлита удавалось только в областном центре, в г. Свердловске. Так, например, начальник Пермского горлита Г.С. Казанцев, характеризуя деятельность своих предшественников за период с 1930 по октябрь 1932 г., говорил о полном отсутствии контроля над радиовещанием в г. Перми. По данным на 1 сентября 1933 г. вне контроля горлита оставалось 13 пермских радиоузлов.

Характеризуя в целом практики контроля над радиовещанием на Урале в 1930-е гг., следует избегать формулировок «бдительный контроль цензоров», «тотальное засекречивание информации» и «строго отлаженный механизм радиоцензуры». Исследование показало, что уральские органы Главлита не всегда претворяли в жизнь циркуляры Главлита. В большинстве районов контроль за радиовещанием не был системным, а в некоторых вообще отсутствовал (например, в Верещагинском районе). Цензоры постоянно сталкивались с противодействием радиовещательных организаций. Конфликты со связистами в районах порой приводили совсем к курьезным случаям. Характерным примером является описанная история с челябинским цензором И.В. Пошляковым. В ответ на его попытки реализовать директивы Челябинского обллита работники Каменского радиоузла сняли у цензора радиоточку и предъявили квитанцию о наложении штрафа за неуплату услуг связи. Подобные истории позволяют утверждать, что служащие радиовещательных организаций не пасовали перед местными органами Главлита. В этом ключе можно говорить о региональной специфике. По утверждению ряда исследователей (Т.М. Горяевой, Н.Н. Клепикова) в центральных регионах РСФСР политический контроль над радиовещанием к концу 1930-х гг. представлял собой строго отлаженный механизм.

В пятой главе – «Партийная жизнь работников цензурного ведомства в 1930-е гг. (на примере парторганизации Свердловского обллита)» – изучению подверглись практики профессиональной и повседневной активности работников местных органов Главлита на основании результатов анализа протоколов собраний парторганизации Свердловского обллита за 1933–1941 гг.

В первом параграфе «Парторганизация Свердловского обллита: состав и практики профессиональной активности» рассмотрены вопросы, связанные с созданием партийной организации работников аппарата управления Свердловобллита, выполнением парторганизацией важных мероприятий в деле развития свердловских органов Главлита.

Датой создания первой партийной организации цензоров на Урале можно считать 19 ноября 1933 г. В этот день при Уралобллите была создана партийная ячейка ВКП (б), куда вошли работники его аппарата и уполномоченные при

издательствах. Первое организационное заседание бюро ячейки состоялось 2 декабря 1933 г., на котором решался вопрос о распределении обязанностей между ее членами. Опыт коллегиальной работы был недолгим. 4 января 1934 г. в связи с ликвидацией Уралобллита партиячейка была реорганизована в первичную парторганизацию Свердловского обллита Сталинского районного комитета ВКП (б) г. Свердловска. На партийных собраниях цензоры утверждали планы работы, изучали инструктивные материалы, присланные из Главлита, занимались разбором решений пленумов ЦК ВКП (б), резолюций съездов коммунистической партии, партконференций, докладов партийных вождей. Каждый член парторганизации выполнял какую-либо общественную обязанность.

В протоколах партийной организации неизменно фигурировало решение коллектива: «Каждому коммунисту систематически работать над повышением своего идейно-теоретического уровня». Своими силами организовывались различные мероприятия по повышению образовательного уровня. Большое внимание парторганизация Свердловобллита уделяла вопросам самообследования и самокритике. Одной из форм самообследования являлось заслушивание самоотчетов членов парторганизации. Всего за 1934–1939 гг. было проведено более 80 мероприятий. Важно подчеркнуть, что эта процедура не предусматривала применение каких-либо дисциплинарных санкций, партвызысканий. Цензор имел возможность поделиться с коллегами своими проблемами или, наоборот, достижениями. Взгляд со стороны стимулировал самокритику, давал возможность работнику корректировать свое поведение

Периодически в повестку дня партийных собраний включались вопросы практики заключения социалистических договоров с другими парторганизациями, выполнения взятых на себя обязательств по социалистическому соревнованию. Было установлено, что из года в год результаты соцсоревнований не радовали парторганизацию обллита. С 1939 г. на партсобраниях стали разбираться вопросы, связанные с повышением квалификации работников аппарата обллита. Периодически члены парторганизации осуществляли разбор результатов сдачи зачетов их коллегами.

Исследование показало, что в конце 1930-х гг. показатели профессиональной активности членов парторганизации значительно улучшились. В начале 1941 г. в парторганизации Свердловобллита впервые был осуществлен прием работника аппарата обллита в члены ВКП (б).

Второй параграф *«Повседневная жизнь партийной организации обллита»* посвящен раскрытию особенностей повседневного быта аппарата работников Свердловского обллита. Исследование показало, что психологический климат в коллективе был неустойчив, во многом раздраемый бытовыми неудобствами. Длительный путь в профессии цензора проходили единицы, люди с устойчивой психикой и верой в свои силы. Подавляющее большинство специалистов, попадавших в цензурный аппарат, быстро «ломались» и уходили, затаив обиду. Тезис «о лучше устроенном человеке», выдвинутый парторгом

М.И. Земсковым, находил эмоциональное сочувствие у его коллег. Невнимание властей к нуждам цензоров коробило последних, оскорбляло их чувства, а главное – надежды на приобщение к благам привилегированного слоя общества. В заявлении зам. начальника обллита А.Н. Ивановской, сделанном в 1934 г., не трудно увидеть устремления служащих Свердловобллита: «Мы – не второстепенная организация!». Борьба за создание нормальных бытовых условий, социальные гарантии показывает, что коллектив цензоров считал возможным добиться желаемого во что бы то ни стало. Не получая морального удовлетворения от статуса профессии, спустя некоторое время человек, до этого будучи уверенным в том, что он наконец нашел свое призвание, уходил из цензуры.

Вместе с тем цензоры не могли понять, а может и не хотели признать главной причины их постоянных неудач в этой борьбе: значимость их парторганизации (10-14 чел.) для горкома или обкома ВКП (б) была куда ниже, чем, например, парторганизации градообразующих предприятий (Верхнеисетский завод – ВИЗ). По доктринальным соображениям служащие, входящие в привилегированные группы номенклатуры, обеспечивались «по остаточному принципу». Конечно, совсем уж игнорировать парторганизацию цензоров парткомы не могли. Примером получения блага можно считать признание политредактора М.Н. Никитина о получении им в горкоме ВКП (б) путевки «по благу». С.И. Тубанову предоставляли возможность выступать на бюро Свердловского обкома ВКП (б) и информировать партийные органы о «нуждах» цензуры. Как показало исследование, надежды цензоров не оправдались. Таким образом, непрекращавшееся обновление кадрового состава во второй половине 1930-х гг. можно объяснить не столько уже известными событиями (например, репрессиями), сколько так называемым «человеческим фактором». Удовлетворение повседневных потребностей было первично, нежели профессиональные интересы.

Третий параграф «Парторганизация обллита как объект политического контроля» посвящен изучению такого важного вопроса, как репрессивные практики в цензурном органе. Кампании по чистке уральских партийных организаций последовательно проводились на протяжении 1930-х гг. Парторганизация свердловских цензоров не была в стороне от общей практики.

В ходе исследования был сделан вывод, что партийная организация Свердловобллита последовательно реагировала на вызовы времени. В период партийных чисток и политических судебных процессов в парторганизации обллита изобличались «враги». Нами были установлены примеры «разоблачений», описаны подробности этих дел. Самым резонансным стало «дело Юматова»: в августе 1936 г. обвинение в связи с «троцкистами» было предъявлено заместителю начальника Свердловобллита Н.И. Юматову. Вина Н.И. Юматова заключалась в сознательном сокрытии факта его участия в 1927 г. во «фракционном троцкистском» собрании. Несмотря на то обстоятельство, что в 1927 г. он уже понес партийное взыскание, которое,

кстати, было снято в 1929 г. Свердловской окружной контрольной комиссией, в 1936 г. этот эпизод вновь послужил основанием для преследования коммуниста. На партийном собрании 27 августа 1936 г. решался вопрос о его пребывании в партии и на должности цензора. Исход разбирательства о связях Н.И. Юматова с лидерами «объединенной оппозиции» предрешили сведения о вызове его на допрос в НКВД. Партийная организация приняла решение исключить Н.И. Юматова из партии «как обманщика и двурушника». Его имя вплоть до 1939 г. будет фигурировать в протоколах собраний парторганизации обллита как образ «врага». Но само «Дело Юматова» открывает следующую страницу в истории партийной организации Свердлов обллита. Речь идет о тактике выживания в годы Большого террора. Преследуя цель отвести от себя подозрения, цензоры-партийцы будут готовы поддержать любое обвинение в отношении сослуживца, коллеги.

Вместе с тем следует обозначить такую немаловажную деталь, которая позволяет говорить о специфике уральской парторганизации: отсутствие тотальных зачисток, как, например, в случае с Ленинградским обллитом. Аппарат управления Свердлов обллита и кадровый костяк в районном звене фактически не пострадал. Довольно быстро парторганизация свердловских цензоров сумела выйти из состояния страха и подозрительности. Преследование по «политическим мотивам» фактически прекратилось уже в начале 1938 г.

В заключении подведены основные итоги проведенного исследования.

Место органов Главлита на Урале с осени 1922 г. было определено в составе губернских ОНО, а немногим позднее – областного отдела народного образования (УралОНО). Решение СНК РСФСР о создании Главлита не было подкреплено обеспечительными мерами.

Осуществлять возложенные задачи по предварительному контролю органам Главлита без взаимодействия с местными партийными комитетами РКП–ВКП (б) и органами госбезопасности не представлялось возможным. Парткомы и ГПУ могли реально помочь органам Главлита при воздействии на объекты цензурного контроля. Понимая это, Уралобллит требовал от местных органов держать тесный контакт, развивать все возможные формы сотрудничества с ними, не забывая при этом и интересы Наркомпроса.

Говоря о развитии местных органов Главлита на Урале, необходимо выделить этапы в процессе их организационно-правового строительства и определить качество каждого из рассматриваемых периодов.

Первый этап: осень 1922 г. – зима 1923 г. – создание четырех гублитов (Челябинского, Тюменского, Пермского и Екатеринбургского), образование Уральского обллита 15 декабря 1922 г. и формирование улитов – уездной цензуры. Создание нового контрольного органа вызвало перемены в политической и культурной жизни Урала. Обязанность представлять материалы, предназначенные к публикации, на предварительный контроль в обллит/улит возлагалась на все ведомственные учреждения, за исключением

Госиздата. Причем просмотру органа гражданской цензуры подлежал и делопроизводственный ведомственный материал. Нельзя не заметить, что в среде государственных учреждений подобная обязанность порой вызывала недовольство. Так местные органы НКПС не всегда присылали в гублиты контрольные экземпляры бланков приказов, форм, штампов и другой мелкопечатной продукции. Обллиту приходилось запрашивать Главлит о порядке цензуры ведомственных изданий и делопроизводственной документации. Учреждения культуры также ощутили регламентацию их деятельности со стороны цензоров. Всюду появилась виза «ЛИТО».

Второй этап: весна 1923 г. – лето 1930 г. – развитие структуры уральских цензурных органов, упразднение гублитов и улитов в конце 1923 г. (первая реорганизация). В 1924–1930 гг. основной единицей цензуры на местах были окрлиты. При окрлитах формировался аппарат районных уполномоченных. Уралобллит направлял деятельность окрлитов, однако напрямую с районной цензурой работу не вел. В культурной жизни Урала органы Главлита стали играть все более заметную роль. Вместе с политконтролерами ОГПУ цензоры производили акции по изъятию с книжного рынка запрещенной литературы, граммофонных пластинок. При проверке книжного фонда в уральских библиотеках органы Главлита действовали совместно с органами Главполитпросвета. Более того, работники политпросвета в районах в рамках совмещения должностей осуществляли цензуру печати и зрелищ под контролем окрлитов. Со второй половины 1920-х гг. в сферу контроля вошло радиовещание.

Третий этап: лето 1930 г. – конец 1933 г. – происходит перестройка системы цензурных органов (вторая реорганизация). Результатом ликвидации окружного деления Уральской области стало упразднение окрлитов. Основная нагрузка по цензуре в районах была возложена на уполномоченных в городах и районах. Исследование показало, что качество работы стремительно падало. Уралобллит оказался не в состоянии обеспечить полный контроль над издательским делом, периодикой, зрелищными предприятиями и радиовещанием. На фоне кризиса местных органов Главлита развивалась культурная жизнь промышленного региона. Росло количество районных периодических изданий, многотиражек, ведомственной продукции. В регионе свободно гастролировали артисты, киноконторы производили сеансы фильмов. Спасать положение с цензурой в 1933 г. начал Уралобком ВКП (б), принявший несколько постановлений об укреплении органов цензуры. Парткомам предписывалось помогать органам Главлита в наведении порядка в сфере политического контроля.

Четвертый этап: зима 1934 – 1938/41 гг. – децентрализация уральской цензуры, упразднение в январе 1934 г. Уралобллита и образование обллитов (Свердловского, Челябинского, с 1938 г. – Пермского). В городах и районах Урала цензурный контроль осуществляли «освобожденные работники» (райгорлиты) и «неосвобожденные» (по совместительству). В начале 1934 г. при уральских обллитах создаются партийные организации. В 1938 г. местные

органы Главлита на Урале прошли переломный момент в своем развитии. Цензоры были включены в номенклатурную систему, появилось новое штатное расписание, значительно улучшились условия труда. Проблемы с кадровым составом решались при помощи парткомов ВКП (б). К 1941 г. удалось снизить темпы текучести кадров, частично решить бытовые проблемы цензоров.

Исследование показало, что эвристические возможности историко-антропологического подхода к изучению деятельности советского учреждения позволяют:

- а) придать «человеческое измерение» жизнедеятельности целевых групп, в данном случае официальных организаций;
- б) понять природу конфликтов внутри этих организаций;
- в) обнаружить личностные основания внутри их социальной жизни;
- г) рассмотреть механизмы изменений внутри учреждений.

История органов политической цензуры в уральском регионе имеет достаточно белых пятен. Исследователи только подступили к изучению вопроса о деятельности партийной цензуры. Отдельного комплексного исследования требует вопрос о практике взаимоотношений деятелей культуры и цензоров.

Основные результаты исследования отражены в публикациях автора:

Монографии, сборники документов и учебные пособия

1. Дианов, С.А. «Без визы не допускать...»: политическая цензура на Урале в период НЭПа: сборник архивных материалов / вступ. ст., сост. и ред. С.А. Дианов. Пермь: ПОНИЦАА, 2009. 222 с.
2. Дианов, С.А. «Крепкая узда пролетарской диктатуры»: органы Главлита на Урале в 1922-1941 гг. / С.А. Дианов. Пермь: ПОНИЦАА, 2010. 164 с.
3. Дианов, С.А. Органы Главлита на Урале в межвоенный период (1920–1941 гг.) / С.А. Дианов. Пермь: ПОНИЦАА, 2011. 334 с.
3. Дианов, С.А. Уральская цензура в лицах. Политическая цензура на Урале в 1920–1930-е гг. / С.А. Дианов. Пермь: ПОНИЦАА, 2011. 202 с.
5. Дианов, С.А. Цензура на Урале в 1920–30-е гг.: механизмы управления культурной жизнью региона: учеб.-метод. комплекс спецкурса. Пермь: ПГПУ, 2009. 20 с.

Научные статьи в периодических изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации

6. Дианов, С.А. Политическая цензура на Урале в период НЭПа / С.А. Дианов // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 167-174.
7. Дианов, С.А. Взаимоотношения органов политической цензуры и ОГПУ-НКВД на Урале в 1920–1930 гг. / С.А. Дианов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и

искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. 1. С. 56-60.

8. Дианов, С.А. Практики взаимодействия местных органов Главлита и партийных комитетов ВКП (б) на Урале в 1920–1930-е годы / С.А. Дианов // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2011. № 12. Вып. 45: История. С. 40-46.

9. Дианов, С.А. Кадровый вопрос и становление системы повышения квалификации цензоров на Урале в 1920–1941 гг. / С.А. Дианов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. Красноярск, 2011. № 3. С. 35-41.

10. Дианов, С.А. Повседневная жизнь партийной организации обллита в 1930-е гг. / С.А. Дианов // Вестник Томского государственного университета. Томск. Сер. «История». 2011. № 3 (15). С. 97-104.

11. Дианов, С.А. Издательское дело на Урале в 1920–1930 гг.: цензурный контроль / С.А. Дианов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. 1. С. 51-55.

12. Дианов, С.А. Репрессивные практики в парторганизации Свердловского обллита в 1930-е гг. / С.А. Дианов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12). Ч. 1. С. 69-73.

13. Дианов, С.А. Формирование кадрового аппарата советской цензуры на Урале в 1920-е гг. / С.А. Дианов // Гуманитарные и социальные науки. Серия «История». Ростов-н/Д, 2011. № 5. С. 2-12.

14. Дианов, С.А. Органы Главлита и цензура зрелищ на Урале в 1922–1940 годы / С.А. Дианов // Вестник Пермского университета. Сер. «История». Пермь, 2011. Выпуск 3 (17). С. 28-34.

Научные статьи в международных научных сборниках

15. Дианов, С.А. Советская цензура в 1920–1930-е гг.: проблема подготовки кадрового аппарата (на примере Уральской области) / С.А. Дианов // Дни науки исторического факультета – 2009: Матер. II Междунар. науч. конф. ученых, посвященной 175-летию Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. Киев, 2009. Вып. II. Ч. 3. С. 65-67.

16. Дианов, С.А. Функции цензуры в политической системе СССР / С.А. Дианов // Матер. VII Междунар. науч.-практ. конференции «Актуальные достижения европейской науки». София: Бял ГРАД-БГ ООД, 2011. Т. 26. История. С. 39-43.

17. Дианов, С.А. Советская цензура в лицах: Александр Дмитриевич Ослоновский / С.А. Дианов // Матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. «Становление современной науки–2011». Прага: Publishing House «Education and Science», 2011. Т. 5. История. С. 78-84.

Материалы международных, всероссийских и межвузовских конференций

18. Дианов, С.А. Политическая цензура в советской провинции: принципы организации и деятельности в 1920-е гг. / С.А. Дианов // Матер. IX Всерос. науч. конф. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. С. 90-93.

19. Дианов, С.А. К вопросу об источниках финансирования деятельности местных органов Главлита в 1920-е гг. / С.А. Дианов // Матер. X Всерос. науч. конф. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2009. С. 65-66.

20. Дианов, С.А. Цензоры Уральской области и большевистская бдительность: проблема эффективности деятельности органов цензуры в провинции / С.А. Дианов // Емельяновские чтения: матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Курган, 23-24 апреля 2009 г.). Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2009. С. 44-47.

21. Дианов, С.А. Радиовещание на Урале как объект политической цензуры в 1920–1930-х годах / С.А. Дианов // Актуальные вопросы истории Сибири: VII научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 182-185.

22. Дианов, С.А. «Строго бороться с проникновением обывательского и мещанского репертуара...»: цензура зрелищ на Урале в 1920–1930-е гг. / С.А. Дианов // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: матер. IX Всерос. научн. конф., посвященной 85-летию проф. А.В. Бакунина. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 315-319.

23. Дианов, С.А. «Участок контроля за радио – очень важный участок работы органов Главлита на местах»: цензура радио на Урале в 1926–1940 гг. / С.А. Дианов // Исторический Ежегодник / Ин-т истор. СО РАН. Новосибирск, 2009. С. 94-101.

24. Дианов, С.А. Формирование системы подготовки кадрового аппарата Главлита в конце 1920-х–1930-е гг. (на материалах Урала) / С.А. Дианов // Научное, педагогическое и просветительское наследие М.К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономической и политической истории России и ее регионов XVI-XX вв. Уфа: Изд-во БПГУ, 2010. С. 173-176.

25. Дианов, С.А. Два портрета уральской цензуры: А.Г. Арыкин и П.П. Бажов / С.А. Дианов // Страницы истории Урала. Вып. 5. Власть и общество / науч. ред. В.А. Державин; ПГПУ. Пермь, 2010. С. 63-70.

26. Дианов, С.А. «Дело Юматова»: страница в истории советской цензуры / С.А. Дианов // Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории: матер. Междунар. заочной науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 63-67.

27. Дианов, С.А. Партийная организация Свердловского обллита в 1933–1941-х гг.: состав и практики профессиональной активности / С.А. Дианов // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. СПб., 2011. № 7. С. 65-71.

28. Дианов, С.А. Организационное строительство местных органов Главлита на Урале в 1922-1941 гг. / С.А. Дианов [Эл. ресурс]. URL:

<http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/dianov/> (дата размещения: 01.10.2010).

29. Дианов, С.А. Заведующие Уралобллитом: П.П. Бажов / С.А. Дианов [Эл. ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/mestnaia/uralobllit/> (дата размещения: 31.01.2011).

30. Дианов, С.А. Пермский обллит: М.Н. Пермякова / С.А. Дианов [Эл. ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/mestnaia/perm> (дата размещения: 31.01.2011).

31. Дианов, С.А. Местные органы цензуры: Уралобллит / С.А. Дианов [Эл. ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/mestnaia/uralobllit> (дата размещения: 05.06.2011).

Дианов Сергей Александрович

РАЗВИТИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГЛАВЛИТА
НА УРАЛЕ В 1922–1938 гг.: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, КАДРЫ

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 23 декабря 2011 г.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 2,7. Тираж 130 экз. Заказ № 456
Отпечатано на ризографе в Пермском государственном педагогическом университете
614099, г. Пермь, ул. Сибирская, 24